

## ВОСПОМИНАНІЯ КОЛЗАКОВА.

1815—1831.

«Не запомню эпохи, болѣе счастливой въ моей жизни, какъ пребываніе мое въ Варшавѣ съ 1815 по 1830 годъ», говорилъ часто отецъ мой въ дружескихъ бесѣдахъ со старыми товарищами, сослуживцами и пріятелями, посѣщавшими его впоследствии въ Петербургѣ. «Это было какъ-бы тихое пристанище послѣ продолжительной боевой и бурной жизни».

Наступила эпоха мира послѣ долгихъ и кровопролитныхъ войнъ; утомительная бивуачная жизнь кончилась, и, увѣнчанная славой нашего оружія, прогремѣвшего на всю Европу, русскіе благоденствовали и отдыхали въ благодатной, по климату, странѣ, живя въ довольствѣ и изобиліи, при гуманномъ управленіи покойнаго цесаревича и великаго князя Константина Павловича, начальника, хотя строгаго и взыскательнаго, но исполненнаго чувствами сердечной теплоты и рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Страна эта, какъ выражался отецъ мой, казалась имъ тогда какою-то счастливою Аркадіей.

Умѣренный климатъ, дешевизна и удобства жизни, цвѣтущее состояніе края, веселое общество и, наконецъ, тогдашнее дружественное настроеніе большинства поляковъ къ русскимъ,—все способствовало къ тому, чтобы придать этому уголку тотъ веселый мѣстный характеръ, которому симпатизировало большинство населенія и который, какъ казалось, долженъ былъ сдѣлаться залогомъ продолжительнаго и безмятежнаго спокойствія и

счастія; но, по непреложному закону природы, государства, какъ и отдѣльныя личности, имѣютъ свои цвѣтушія эпохи, а равно и тяжкія испытанія.

Поляки уже не разъ подвергались этимъ превратностямъ судьбы, по собственной своей винѣ, но горькій опытъ ни къ чему не послужилъ; и если, въ продолженіе всей исторической жизни этого народа, бывали гибельные для него перевороты и потрясенія, вслѣдствіе ихъ необузданнаго самолюбія, то ни одно изъ нихъ не было столь неосновательно и несправедливо придумано ими, какъ возмущеніе 1830 года.

Не вдаваясь, однако, въ изслѣдованіе причинъ, породившихъ польское возстаніе, что гораздо раньше меня, въ числѣ множества писателей, сдѣлалъ партизанъ Денисъ Давыдовъ, превосходныя «Записки» котораго были напечатаны въ «Русской Старинѣ» (1872 г., т. VI, стр. 1—38 и 309—403), я ограничусь только тѣмъ, что изложу здѣсь нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ изъ разсказовъ отца моего и другихъ очевидцевъ, частью же и собственныхъ моихъ воспоминаній о любопытной эпохѣ, проведенной мною въ Варшавѣ—до 1830 г.

## I.

### Въ Варшавѣ.

18-го сентября 1814 года пріѣхалъ отецъ мой въ Варшаву, вмѣстѣ со свитою цесаревича Константина Павловича. Великій князь находился тогда еще на вѣнскомъ конгрессѣ.

Польша, въ то время, не знала объ окончательной своей участи; но великодушныя завѣренія государя Александра Павловича, при проѣздѣ его черезъ Варшаву, подавали полякамъ большія надежды на будущность,—они слѣдили, съ возрастающимъ любопытствомъ, за всѣми политическими комбинаціями дипломатовъ тогдашняго времени и неоднократно отправляли депутатовъ къ государю съ просьбою, принять ихъ исключительно подъ свою защиту, опасаясь новаго раздѣла Польши. Они умоляли о совокупномъ и всецѣломъ присоединеніи ихъ къ Россіи, какъ единоплеменной съ ними державѣ; однимъ словомъ, духъ и настроеніе поляковъ, въ то время, были совершенно въ нашу пользу.

Понятно, послѣ всего этого, что пріѣздъ русскихъ въ Вар-

шаву, въ тогдашнюю эпоху, при томъ общемъ сочувствіи, которое они встрѣчали повсюду въ польскихъ кружкахъ, не могъ не оставить въ нихъ самыхъ пріятныхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній,—тѣмъ болѣе, что это было такъ неожиданно и что, разставаясь съ Петербургомъ и съ обычнымъ кругомъ родныхъ и друзей, и отправляясь въ страну, чуждую имъ по вѣрѣ, языку и обычаямъ, каждый изъ русскихъ никакъ не рассчитывалъ на столь радушный пріемъ.

Свита великаго князя была сначала немногочисленна. Состоящіе при немъ генералы и личные адъютанты были его сподвижниками и сотрудниками кампаній: 1812, 1813, 1814 годовъ. Взысканныя милостями августѣйшаго начальника и уже свыкнувшись совершенно съ его характеромъ, составляли они тѣсный и дружескій кружокъ; ни что, вообще, такъ не сближаетъ людей, какъ военное время. Походы, бивуачная жизнь, раздѣленіе трудовъ и опасностей,—все связывало ихъ незамѣтнымъ образомъ тѣснымъ и тѣснымъ; а кочующая жизнь и товарищескія сходы, обращаясь въ привычку, налагали на нихъ свой особенный отпечатокъ. Разгульная жизнь, торжества, пиры, вино и карты,—все это было въ духѣ времени тогдашней военной молодежи; даже солидныхъ лѣтъ люди не были изъ этого изъяты. Поэтому, пріѣздъ ихъ въ Варшаву, какъ нельзя болѣе, совпадалъ съ ихъ наклонностями.

Поляки, заискивая расположеніе русскихъ, ничего не щадили для достиженія этой цѣли. Знатнѣйшіе магнаты поспѣшили открыть свои богатые хоромы для принятія новыхъ гостей—и загремѣли презднества. Забывая временные раздоры, старались они заглушить ихъ въ роскошныхъ пирахъ, гдѣ испивалось полными чашами вино за дружеское соединеніе двухъ славянскихъ племенъ.

Соревнуясь въ гостепріимствѣ, наши русскіе, кто какъ могъ, не желая оставаться въ долгу, оплачивали имъ тѣмъ же,—и здѣсь-то высказалась русская широкая натура и любовь къ разгулу. Заликовала Варшава, и загремѣла музыкою и увеселеніями. Никогда еще не было выпито столько вина, какъ въ эту эпоху. Чтобы дать понятіе, до чего доходило своеволие и духъ тогдашняго времени, приведу здѣсь анекдотъ, рассказанный мнѣ отцомъ моимъ о проведенномъ имъ канунѣ 1815 года, въ Варшавѣ, на

большомъ пиру у генерала отъ кавалеріи барона Меллера-За-  
вомельскаго. Все, что было знатнѣйшаго въ Варшавѣ изъ чи-  
сла русскихъ и польскихъ служащихъ, все было на этомъ тор-  
жествѣ. За обѣдомъ русскіе братались съ поляками въ надно-  
вратныхъ тостахъ; музыка гремѣла при оглушительныхъ кри-  
кахъ ура; предложенъ былъ, наконецъ, послѣдній тостъ за дру-  
жеское соединеніе славянскихъ братій, принесенъ былъ громад-  
ный старинный серебряный кубокъ, въ который вливалось заразъ  
2 бутылки шампанскаго; всѣ гости должны были пить, по оче-  
реди, изъ этого кубка, и осушать его до дна; но желудки гостей  
уже такъ были переполнены яствами и винами, что не нашлось  
ни одного, кто бы могъ выпить и четверти кубка. Дошла нако-  
нецъ очередь до одного поляка, по имени Огинскій или Обор-  
скій, не упомяну. Онъ всталъ съ своего мѣста. Громадный ростъ,  
толщина и усатое лицо, раскраснѣвшееся отъ вина, придавали  
ему весьма типичный видъ. Оглушительнымъ басомъ заревѣлъ  
онъ по-польски: «здравицу за соединеніе славянъ» и, поднеся  
чашу къ губамъ, медленно, но безъ разстановки, осушилъ онъ  
весь кубокъ и опрокинулъ его себѣ на голову, какъ доказатель-  
ство, что въ немъ вина болѣе не оставалось; вся зала загремѣла  
дружными ура!

Послѣ стола гости усѣлись за фараонъ и засыпали золотомъ  
игорные столы. Около полуночи приготовлено было 60 саней;  
въ эти сани стали разсказывать, по одиночѣ, большую часть го-  
стей, едва державшихся на ногахъ; въ каждому изъ нихъ са-  
жали по музыканту, который обязанъ былъ во всю дорогу играть  
на своемъ инструментѣ. Во главѣ этой дикой процессіи вели,  
въ саняхъ, огромный транспарантъ, на которомъ, крупными ци-  
фрами, изображенъ былъ, въ вѣнцѣ, «1815 годъ». Вся эта вера-  
ница саней потянулась, такимъ образомъ, по Новому свѣту и  
другимъ главнымъ улицамъ Варшавы, и послѣ 1½ часовой ѣзды  
гости развозились по домамъ.

Таковъ былъ духъ тогдашняго общества въ Варшавѣ. Съ при-  
ѣздомъ великаго князя и въ послѣдующіе года, все стало прихо-  
дить въ лучшій порядокъ; всѣ ревностно занялись ломкою ста-  
рыхъ, обветшалыхъ узаконеній и стали приводить въ исполненіе  
новую, дарованную полякамъ, конституцію. Восторгъ поляковъ  
доходилъ до нелзя и всѣ старожилы единогласно сознаются,

что эпоха, съ 1816 по 1822 годъ, т. е. время введенія окончательныхъ реформъ въ царствѣ польскомъ, была самая веселая въ Польшѣ.

Варшава представляла тогда самый оживленный видъ. Городъ обстраивался; эмигранты польскіе, получившіе амнистию, возвращались толпами въ свои помѣстья и дома. Увеселенія и празднества стали чаще повторяться. Многие изъ приближенныхъ великаго князя, въ то время, женились и обзавелись домами, и другъ предъ другомъ старались щеголять гостеприимствомъ; и хотя не могли тягаться съ польскими магнатами богатствомъ и роскошью обстановки, но, тѣмъ не менѣе, радушіе и хлѣбосольство, присущіе русской натурѣ, замѣняли все остальное. Русская военная молодежь дружилась съ польскою; духъ прежней вражды по немногу исчезалъ. Польскія красивыя панны перестали уже коситься на москалей. Въ угодность имъ, заговорила наша молодежь на ихъ языкѣ, ломая свой благозвучный языкъ на ихъ шипящее нарѣчіе; все шло какъ нельзя лучше, и хотя были слышны, отъ времени до времени, нѣкоторые глухіе голоса недовольныхъ, но все это ограничивалось столь ничтожными въ началѣ выходками, что оставалось въ тайнѣ отъ большинства и хранилось только въ высшихъ административныхъ сферахъ, которыя, не видя въ этомъ большой важности, весьма снисходительно къ нимъ относились. Власти понимали, что голоса недовольныхъ не были выраженіемъ цѣлаго общества, а лишь вспышками отдѣльныхъ личностей, увлекаемыхъ ложнымъ и неумѣстнымъ патріотизмомъ.

Вмѣстѣ съ Варшавою, развивалась вся Польша и разпрѣталя видимо, на нашихъ глазахъ, съ каждымъ годомъ. Изъ прежней, опустошенной междоусобными и Наполеоновскими войнами, страны являлось новое, благоустроенное, цвѣтущее торговлею и богатствомъ, государство. Изъ старыхъ пепелищъ стали воздвигаться красивые города и села; проведенны отличныя шоссе, закипѣли фабрики, и сельская промышленность разпрѣла. Конституція и либерально-гуманное управленіе, дарованное полякамъ императоромъ Александромъ, сдѣлалось залогомъ для будущаго счастья всѣхъ сословій; національный духъ поляковъ поднялся: у нихъ былъ свой сеймъ, свои судьи, свои министры, свой сенатъ, свое войско. Языкъ польскій былъ господствующимъ во

всѣхъ административныхъ сферахъ; даже русскіе должны были подчиниться общему порядку и въ своихъ дѣлахъ подавать просьбы на чуждомъ, часто непонятномъ имъ, языкѣ.

Между тѣмъ, съ процвѣтаніемъ всѣхъ отраслей матеріальной дѣятельности, улучшились и финансы царства. Науки и искусства развились съ новою силою. Образовались повсюду школы; въ Варшавѣ возникъ университетъ, а для образованія военныхъ устроились въ Варшавѣ и Калингѣ школы подпрапорщиковъ и юнкеровъ, откуда молодые люди поступали потомъ въ гвардію и армію. Однимъ словомъ, въ короткое время Польша доведена была до апогея благоустройства и могла стать на ряду съ образованнѣйшими государствами Западной Европы тогдашняго времени.

Въ угодность полякамъ, намѣстникомъ царства былъ избранъ изъ ихъ среды истинъ полякъ, даже бывшій злѣйшій врагъ Россіи, гр. Заіончикъ.

Большой князь не вмѣшивался вовсе въ административныя дѣла, а предоставилъ себѣ одну только военную часть, принявъ титулъ главнокомандующаго всѣхъ русскіхъ и польскіхъ войскъ; въ нему былъ еще причисленъ и литовскій корпусъ <sup>1)</sup>.

Мѣстопробываніемъ его были зимою—Брюловскій дворецъ, а лѣтомъ—Бельведеръ; большой же замокъ и лѣтній дворецъ Лавенки служили только для пріема государя и его свиты. Въ Лавенкахъ давались иногда празднества, въ лѣтнее время, и театры, въ такъ-называемой оранжереѣ и на открытой аренѣ на острову.

Въ Варшавѣ было, какъ и теперь, два театра: большой и малый, называемый Розмайтосци. Въ первомъ давались оперы, на польскомъ языкѣ, какъ напримѣръ: «Преціоза», «Весталка», «Калифъ Багдатскій», «Итальянка въ Алжирѣ», «Турки въ Италіи», «Волшебный стрѣлокъ», «Бѣлая дама», «Сорока-воровка», «Танкердь» и друг.; впоследствии стали давать польскую оперу «Хлопъ миллионеры», которая надѣлала тогда много шума; въ ней пѣлись актеромъ Дамсъ длинныя сатирическіе куплеты, въ которыхъ выставлялись карикатуры общества. Балетъ хотя и существовалъ тогда, но не имѣлъ еще той славы, до которой онъ достигъ впоследствии, при правленіи кн. Паскевича. Знаме-

<sup>1)</sup> Въ первые года великій князь въ официальныхъ бумагахъ подписывался: «Инспекторъ всей кавалеріи». Е. Е.

итыя гѣвѣицы посѣщали Варшаву въ различное время, — такъ въ 1819 году явилась туда г-жа Каталани и давала концерты при дворѣ, во время пребыванія государя Александра I въ Варшавѣ; позднѣе была г-жа Зонтагъ, также и музыкальныя знаменитости — Шопенъ и Паганини.

Кружокъ русскихъ, служащихъ въ Варшавѣ, сталъ съ году на годъ увеличиваться. Слухъ о тамошней веселой жизни, дойдя и до нашей сѣверной столицы, сталъ привлекать многихъ лицъ въ этотъ новый эдемъ. Удвоенное содержаніе и сравнительная дешевизна жизни были не малою къ тому приманвою.

Въ 1817 году женился отецъ мой, въ Варшавѣ, по любви, на прелестной падчерицѣ французскаго подданнаго Р. Н. Миттона, служившаго при цесаревичѣ, въ его канцеляріи, и бывшаго главнымъ комиссіонеромъ при его высочествѣ. Свадьба была отпразднована въ замкѣ, въ придворной церкви, 24-го января 1817 года; великій князь былъ лично посаженнымъ отцемъ.

Исторія моей бабушки, со стороны матери, была такъ тѣсно связана съ исторіею г-жи Фридрихсъ, женщины, по своему положенію и вліянію, игравшей довольно замѣтную роль въ Варшавѣ, что не могу умолчать о нѣкоторыхъ ея подробностяхъ.

## II.

### Жозефина Фридрихсъ.

Моя бабушка, рожденная Пьеретта Матрей, была дочь богатаго французскаго номѣщика и вышла замужъ, въ началѣ 1-й французской революціи, за одного зажиточнаго дворянина, сосѣда по имѣніямъ, по фамиліи Буде-де-Террей (Boudet de Therrey<sup>1)</sup>; а 2-го сентября 1793 года родилась у нихъ дочь Анна-Жозефина-Елисавета-Луиза<sup>2)</sup>. Революціонное движеніе охватило всю страну, и слабый Людовикъ XVI не въ силахъ уже былъ обуздать духъ анархіи, распространившійся во всѣ классы общества. Вся Франція раздѣлилась на партіи, которыя стали спорить о первенствѣ, а Парижъ сдѣлался средоточіемъ ихъ крамоль и междоусобій. Ораторы съ трибунъ проповѣдывали главенство народа и курили ему энміамъ; возникли Дантоны, Мараты,

<sup>1)</sup> Младшая линія графовъ Буде, коихъ представители и теперь есть во Франціи.

Е. Е.

<sup>2)</sup> Впоследствии моя мать.

Е. Е.

Робеспьеры; несчастное бѣгство короля ускорило катастрофу и вровая драма довершилась царубійствомъ; терроръ распространился во всей странѣ. Къ возгласамъ: «свобода и равенство» присоединились возгласы: «смерть аристократамъ»,— и полилась невинная кровь; повсюду началось страшное преслѣдованіе богатыхъ дворянъ и помѣщиковъ,—ихъ травили, какъ звѣрей. Запылали села, а отдѣльные помѣстья и замки сдѣлались театромъ самыхъ отвратительныхъ сценъ.

Около этого времени умеръ, въ своемъ помѣстьи, отецъ г-жи Террей, старикъ Матрей; а мужъ ея, дабы спасти что-нибудь изъ богатаго родового наслѣдства, поѣхалъ въ провинцію, оставивъ больную жену, еще не оправившуюся отъ родовъ, въ Парижѣ. Но, будучи захваченъ въ имѣніи своимъ агентами грознаго Робеспьера, онъ былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ казненъ со многими невинными жертвами лютости якобинцевъ.

Судьба несчастной г-жи Террей, съ этихъ поръ, представляеть цѣлый романъ. Смерть отца, казнь мужа и потеря всего имущества, конфискованнаго въ пользу республики, нанесли ей тяжкій ударъ и оставили ее въ самомъ крайнемъ положеніи, отъ котораго она чуть не лишилась жизни. Но любовь и заботы о малюткѣ превозмогли и дали ей силы. Едва оправившись отъ тяжелой болѣзни, она должна была искать спасенія въ бѣгствѣ; сѣтаясь по ночамъ съ груднымъ ребенкомъ и скрываясь подъ чужимъ именемъ, она выѣхала изъ Парижа и, послѣ долгаго странствованія, достигла, наконецъ, предѣловъ Франціи.

Въ скромномъ городѣ Германіи пріютилась она и нашла убѣжище въ домѣ одной почтенной семьи, гдѣ долгое время жила, въ качествѣ гувернантки, при дѣтяхъ. По воцареніи Наполеона, когда была объявлена амнистія многимъ эмигрантамъ, она получила дозволеніе возвратиться во Францію и отправилась въ Парижъ съ дочерью, въ надеждѣ спасти что-нибудь изъ своего прежняго имущества; но напрасны были всѣ ея старанія. Имѣніе мужа и ея собственное перешли уже черезъ столько рукъ, что о возвратѣ и думать было нечего. Надобно было, однако-жъ, на что-нибудь рѣшиться; нужда подходила, всѣ средства были истощены. Послѣ долгихъ хлопотъ и стараній, она выхлопотала себѣ, наконецъ, отъ правительства небольшое пособіе и, отбросивъ всякое тщеславіе, на эти деньги завела въ Парижѣ мод-

ный магазинъ, выполнѣ свыннувшись съ трудовою жизнью во время эмигрантства за границею.

Между тѣмъ, Наполеонъ, дабы окружить свой тронъ блескомъ, сталъ создавать новое дворянство изъ своихъ любимцевъ—людей, выведенныхъ имъ, по большей части, изъ ничтожества, и раздавалъ имъ, по ихъ заслугамъ на полѣ брани, титулы и богатые помѣстья. Отсюда началось такъ-называемое *la fusion*, т. е. смѣшеніе классовъ; онъ искусно заманивалъ представителей древнихъ фамилій ко двору своему и покровительствовалъ бракамъ новой аристократіи съ древнею. Вскорѣ въ немъ пристала и партія богатыхъ плебеевъ, разжившихся разными неправдами, въ смутное время революціи; и легкомысленный народъ, такъ еще недавно провозглашавшій «свободу, равенство и братство», сталъ снова плясать вокругъ золотого тельца и вадить онѣмамъ новому кумиру.

Въ тихомъ и скромномъ уголкѣ Парижа пріютилась г-жа Террей, привыкая по-немногу къ новой трудовой жизни,—и дѣла ея пошли сначала довольно удачно.

Въ число немногихъ работницъ, бывшихъ у ней въ магазинѣ, взяла она въ ученіе 14-ти лѣтнюю дѣвочку, очень миловидную, съ черными выразительными глазами, по имени Josefine. Должность маленькой Fifiue, какъ ее всѣ звали въ магазинѣ, состояла въ томъ, что она находилась при хозяйкѣ или, въ отсутствіи ея, при конторкѣ для приѣма покупателей и заказчиковъ. Вошелъ, однажды, въ магазинъ какой-то англичанинъ, чтобы заказать себѣ тонкое кружевное жабо, которое носили въ то время мужчины, въ особенности такъ-называемые *les incroyables*. Маленькая Fifiue была тогда одна въ магазинѣ и съ такимъ проворствомъ, съ такою смѣтливостію показывала ему различные образцы, что чопорный англичанинъ плѣнился ею не на шутку и сталъ учашать свои визиты подъ разными предлогами; а когда заказъ его былъ оконченъ, онъ обратился къ хозяйкѣ съ страннымъ предложеніемъ дозволить ему увести съ собою маленькую Fifiue въ Англію, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы, давъ ей сначала приличное воспитаніе, жениться на ней, когда она достигнетъ совершеннолѣтія. Можно себѣ представить удивленіе г-жи Террей. Такая странная мысль могла придти только въ голову англичанину. Онъ объяснилъ, впрочемъ, что, наследовавъ послѣ отца

титулъ лорда и большое состояніе, онъ повсюду искалъ себѣ достойную жену; но, не находя ни одной по своему вкусу, рѣшился самъ заняться осуществленіемъ этой идеальной подруги и воспитать ее по задуманному имъ самимъ плану. Разумѣется, г-жа Террей не могла принять такое странное предложеніе и рѣшилась, наконецъ, сказать, что это дѣло ее не касается и что онъ можетъ обратиться къ родителямъ дѣвочки. Чудакъ лордъ такъ и сдѣлалъ,—и, получивъ, послѣ долгаго колебанія, отъ нихъ согласіе, наградилъ ихъ при этомъ щедрою рукою и увезъ будущую жену въ Лондонъ; здѣсь онъ помѣстилъ ее сначала въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ, въ которомъ она пробыла четыре года и получила прекрасное воспитаніе.

Два года спустя, послѣ отъѣзда Жозефины, дѣла г-жи Террей, по случаю возрастающей конкуренціи въ Парижѣ, стали приходить въ упадокъ и она рѣшилась, по совѣту нѣкоторыхъ друзей, бросить Францію и переселиться въ Россію.

Это было въ то время, когда у насъ въ Россіи страсть къ французскому языку и къ французскимъ модамъ была въ высшей степени популярною въ аристократическихъ кружкахъ. Эмигранты привезли съ собою *bon ton*, салонныя манеры, и всѣ бредили французами. Налетѣли толпою въ Петербургъ и Москву вивонты, марки, маркизы, денди, роялисты, а за ними вереницею—гувернеры, гувернантки, модистки и куаферы. Г-жа Террей послѣшила продать магазинъ и, вмѣстѣ съ дочерью, пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ и занялась снова прежнимъ мастерствомъ.

Въ концѣ 1805 года, гуляя однажды по Невскому проспекту, встрѣтилась она съ одной молодою дамою, красивой наружности, которая, при видѣ ея, вскрикнула и, назвавъ ее по имени, бросилась ее обнимать. Хотя черты этой молодой дамы казались знакомы г-жѣ Террей, но никакъ не могла она припомнить, гдѣ съ нею могла встрѣтиться, и принуждена, наконецъ, была спросить ея фамилію. «Помните ли вы», сказала ей незнакомка, «ту маленькую *Fifine*, которую увезъ одинъ англичанинъ изъ вашего магазина?» Понятно, что г-жа Террей не могла узнать, не выдавъ ее съ 14-ти-лѣтняго возраста, и, заинтересованная до крайности такою неожиданною встрѣчею, пригласила молодую женщину къ себѣ въ домъ и съ большимъ участіемъ просила рассказать ей свою исторію. Вотъ ея рассказъ.

По выходѣ Жозефины изъ пансіона, гдѣ она получила столь блестящее образованіе, лордъ - покровитель помѣстилъ ее въ богато-убранную, нанятую имъ, квартиру въ Лондонѣ; приставилъ къ ней женщину, въ качествѣ *surveillante* (надзирательницы), обставилъ ее всевозможною роскошью и, принявъ видъ строгаго аргуса, лично занялся окончаніемъ ея воспитанія. Незвѣстно, въ чемъ заключалась его теорія и достигъ-ли онъ, наконецъ, своей задачи; олицетворился-ли передъ нимъ задуманный идеалъ, какія были его съ нею отношенія и имѣлъ-ли онъ все еще намѣреніе на ней жениться; но судьба часто забавляется неожиданными развязками разрушать глубокозадуманные планы людей. Какъ прелестный цвѣтокъ, разцвѣтала молодая дѣвушка среди роскоши и изобилія, желѣя себя заранѣе сладостными мечтаніями о будущей счастливой жизни, среди почета и довольства; но въ одно утро лорда-покровителя не стало: онъ умеръ скоропостижно, не оставивъ никакого духовнаго завѣщанія; все его имѣніе было захвачено родственниками и бѣдная Жозефина осталась ни при чемъ. Какъ карточный замокъ, распались всѣ надежды на будущее счастье; наследники заставили ее выѣхать изъ богатой родовой виллы, въ которую она была завезена, въ послѣднее время, покойнымъ ея покровителемъ. Она собрала свои пожитки и переехала въ Лондонъ, въ скромную квартиру.

Затворническая жизнь, въ которой ее держалъ покойный лордъ, удаляя постоянно отъ всякаго сообщничества съ своими знакомыми, была причиною того, что она очутилась, послѣ его смерти, въ многолюдной столицѣ, какъ въ лѣсу. Правда, у нея были пансіонскія подруги; но онѣ всѣ, болѣе или менѣе, повиходили изъ пансіона, и гдѣ же ей было ихъ отыскивать, и, наконецъ, могла-ли она надѣяться на какое-либо участіе съ ихъ стороны. Положеніе было критическое, тѣмъ болѣе, что и средства были весьма ограниченныя. Исключая богатыхъ туалетовъ и кое-какихъ цѣнныхъ вещей, подаренныхъ ей покровителемъ, денегъ у ней никакихъ не было, потому что, живя на всемъ готовомъ, она никогда въ нихъ не нуждалась. Къ довершенію бѣды, она не была приучена ни къ какимъ женскимъ руководствамъ, а занималась исключительно умственнымъ образованіемъ.

Въ такихъ-то стѣснительныхъ обстоятельствахъ находилась эта молодая дѣвушка, въ первое время, послѣ смерти своего бла-

годителя. Иливъ сначала все свое горе въ слезахъ, предалась она, наконецъ, размышленію,—и первая благая мысль, появившаяся ей на умъ, была—продать часть своего богатого имуществъ, и на эти деньги возвратиться во Францію въ роднымъ.

Разбирая, однакожъ, свои наряды, другія мысли стали приходить ей въ голову,—ей стало жаль разставаться съ этимъ необходимымъ подспорьемъ женскаго могущества, а вглядываясь въ зеркало, можетъ быть, впервые поняла она всю свою силу, т. е. силу красоты, передъ которою все преклоняется и падаетъ ницъ; тайный голосъ, подобно тому змѣю, что искушалъ Еву, шепталъ ей лстивыя убѣжденія. Какъ знать, можетъ быть, встрѣтится ей здѣсь, въ столь многолюдной столицѣ, снова блестящая партія; съ ея умомъ, красотою и образованіемъ, трудно остаться не замѣченною. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не попытать было счастья, и неужели ей добровольно отказаться отъ такого блага, когда оно у ней въ рукахъ. Неужели ей, привыкшей уже къ роскошной жизни, похоронить себя для свѣта и превратиться въ простую работницу. И что же она найдетъ у родителей своихъ? Не будетъ-ли она, напротивъ того, имъ еще въ тягость? Послѣдній аргументъ пересилилъ, и возвращеніе на родину было отложено въ долгій ящикъ, какъ окончательное средство въ случаѣ неудачи.

И вотъ, наша новая Армида, вооружившись всѣми прелестями своихъ 20-ти лѣтъ, приправленными скромнымъ, но изящнымъ нарядомъ, пускается въ свѣтъ съ трудною задачею розысканія жениха. Наплась услужливая сосѣдка, согласившаяся сопровождать ее на гуляньяхъ въ публичныхъ садахъ, посѣщеніи были и театры; но отъ этихъ первыхъ дебютовъ вынесла она только одну досаду и горькое разочарованіе. Знакомство, правда, было сдѣлано, и наплось много поклонниковъ ея красоты; но они выражались съ такимъ цинизмомъ, съ такою холодною откровенностью, что не разъ краска негодованія выступала на ея лицѣ. Къ чести ея надобно сказать, что она не была испорченнаго нрава; она искала мужа, а не любовника, и всѣ блестящія предложенія, не основанныя на законномъ требованіи ея руки, были ею съ гордостію отвергаемы. Случай свелъ ее вскорѣ съ отыскиваемымъ Паладиномъ: то былъ не гордый сынъ Альбіона, а уроженецъ нашихъ хладныхъ эстонскихъ побережій, однимъ словомъ, русскій нѣм-

чилъ. Онъ былъ молодъ, не дуренъ собою; говорилъ, правда, только по-нѣмецки, но она училась этому языку еще въ пансіонѣ, и хотя не очень складно, но все-таки могла объясняться съ нимъ.

Сильно приглянулась молодая красавица нашему нѣмчику; получивъ разрѣшеніе явиться къ ней, сталъ онъ учащать свои визиты и не скрывалъ свои чувства въ ней, но находилъ такое сопротивленіе, при одномъ только намека на неумѣстныя требованія, что не зналъ уже самъ, на что рѣшиться. Съ обѣихъ сторонъ употреблена была большая хитрость, чтобы казаться не тѣмъ, чѣмъ были въ самомъ дѣлѣ. Роскошная обстановка и наряды приводили его, правда, въ недоумѣніе, но все это было объяснено. Исторія лорда-покровителя, котораго она была невѣстою, была ему рассказана. Про себя же онъ сказалъ, что онъ полковникъ, флигель-адъютантъ императора руссійскаго, что онъ присланъ въ Лондонъ съ важными депешами, и назвалъ свою фамилію, чуть-ли не съ титуломъ барона, Фридериксъ.

Видя, наконецъ, что доступъ до ея сердца, окольными путями, рѣшительно не возможенъ; притомъ, не сомнѣваясь, что, при такой обстановкѣ, долженъ былъ остаться у ней отъ бывшаго жениха и порядочный капиталъ, онъ сообразилъ, что, во всякомъ случаѣ, въ накладѣ не будетъ, и рѣшился предложить ей свою руку, а получивъ ея согласіе, такъ поспѣшно повелъ свои дѣла, что, не давъ ей и опомниться, обвѣнчался съ нею въ Лондонѣ по католическому обряду.

Двѣ недѣли прожилъ онъ съ нею въ столицѣ Англіи, испивъ всю чашу наслажденій; но настало, наконецъ, время отрезвленія. Предполагаемые капиталы оказались воздушными замками, но дѣлать было нечего. Надобно было, такъ или иначе, выйти изъ этого положенія; онъ, однако-жъ, выдержалъ свою роль до конца. Скрывъ отъ жены досаду, онъ ей объявилъ, что срокъ его откамандировки кончается и что ему необходимо вернуться въ Россію; что ее съ собою онъ теперь взять не можетъ, но что тотчасъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ ей напишетъ и вышлетъ деньги на проѣздъ въ Россію. И вотъ она снова одна въ многочисленной и шумной столицѣ, предоставлена своимъ собственнымъ средствамъ и, въ ожиданіи извѣстій отъ мужа, ведетъ затворническую жизнь. Дабы укрыться отъ толпы нескром-

ныхъ волокитъ, перебралась она на другую квартиру, гдѣ жила въ совершенномъ одиночествѣ. Проходитъ мѣсяць—извѣстій нѣтъ никакихъ, проходитъ и другой съ такимъ же результатомъ; письма ея остаются безъ отвѣта, а между тѣмъ, средства къ жизни истощаются,—она рѣшается продать все свое имущество и на эти деньги, взявъ мѣсто на парусномъ суднѣ, пріѣзжаетъ наконецъ, въ Петербургъ. Здѣсь начинаетъ она розыскивать своего мужа. Ей совѣтуютъ обратиться въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Тамъ она узнаетъ, что полковника и флигель-адъютанта, по имени Фридрихса, въ свѣтъ государя нѣтъ; а что, дѣйствительно, былъ посланъ въ Лондонъ курьеромъ нѣкто Фридрихсъ, но не полковникъ и не флигель-адъютантъ, а простой фельдъегерь. Отправляется она въ фельдъегерскій корпусъ, спрашивается о Фридрихсѣ, его не было въ то время въ Петербургѣ—онъ усланъ на Кавказъ, но по примѣтамъ узнаетъ, что это тотъ самый, котораго она ищетъ. Узнавая ей его квартиру въ казармахъ и солдатскую кровать въ общей камерѣ. О, ужасъ! какое горькое разочарованіе! съ отвращеніемъ глядитъ молодая, благовоспитанная женщина на эту грубую солдатскую обстановку—не вѣрить глазамъ своимъ и спѣшить удалиться, понимая, что она сдѣлалась жертвою гнуснаго обмана. Въ такомъ-то горестномъ положеніи была г-жа Фридрихсъ, когда случайно встрѣтилась съ г-жей Террей, такъ обязательно предложившей ей свои услуги. Она тотчасъ перебралась къ ней на квартиру и нашла въ ея домѣ самый радужный пріемъ.

Прошло нѣкоторое время; г-жа Фридрихсъ начала по немногу свыкаться съ своимъ положеніемъ и помогала охотно въ занятіяхъ, такъ обязательно пріютившей ее, соотечественницы своей и бывшей хозяйки, какъ вдругъ пришла вѣсть о возвращеніи мужа, и какъ громомъ поразило ее. Фридрихсъ, узнавъ о ея пріѣздѣ, сталъ ее отыскивать и предъявлять свои права; но считая себя жертвою гнуснаго обмана, она и слышать не хотѣла о своемъ мужѣ, говорила, что будетъ хлопотать о разводѣ. Началась борьба, веденная обѣими сторонами съ одинаковымъ упорствомъ,—и много стояло трудовъ и убѣжденій со стороны г-жи Террей, чтобы принудить ее, наконецъ, уступить необходимости и возвратиться къ своему долгу. Дѣлю кое-какъ улади-

лось. Нанята была особая квартира и разочарованная чета снова соединилась, но, увы! счастье и согласіе не могли уже возвратиться. Утрата взаимнаго довѣрія и обманутыя надежды—все поселяло въ нихъ вражду и клонило къ разрыву. Сколько разъ прибѣгала бѣдная молодая женщина къ своей новой покровительницѣ и, со слезами на глазахъ, бросалась ей на грудь; называя ее второю матерью, повѣряла ей длинный перечень семейныхъ неурядицъ и всякій разъ возвращалась отъ нее успокоенною кроткими наставленіями и находила новыя силы для перенесенія горькой своей участи.

Въ началѣ 1806 года г-жа Террей вынуждена была, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, переѣхать на жительство въ Москву, вмѣстѣ съ дочерью; разставаясь съ Жозефиною Фридрихсъ, она уговаривала ее съ покорностью переносить свое положеніе и уповать на Бога. Съ стѣсненнымъ сердцемъ выслушивала ее молодая женщина, не могла скрыть свои слезы и, прощаясь съ нею, общала ей часто писать въ Москву.

Въ началѣ, дѣйствительно, хотя письма ея были исполнены грустью, но отзывались смиреніемъ; подъ конецъ же чаще стали проявляться въ нихъ горькія жалобы на злосчастную судьбу. Поведеніе мужа сдѣлалось невыносимымъ: окружающее ея общество товарищей Фридрихса, грубыхъ наклонности мужа и пороки его,—все вызывало у нее отвращеніе и она рѣшилась покончить съ такою жизнію. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ г-жѣ Террей, она проситъ не осуждать ее слишкомъ строго, не клеймить ее презрѣніемъ, если, быть можетъ, дурная молва о ней дойдетъ до слуха ея благодѣтельницы; она расторгла свою связь съ ненавистнымъ и недостойнымъ мужемъ и нашла покровителя въ лицѣ высокопоставленной особы. Встрѣтись съ нею на одномъ изъ маскарадовъ въ Петербургѣ, она подошла къ этому лицу, желая только просить защиту, но встрѣтила горячее сочувствіе,—и съ той минуты судьба ея была рѣшена, струны сердца были затронуты, она нашла въ этомъ лицѣ не только покровителя, но и друга; она повѣрила въ возможность быть съ нимъ счастливою и отдалась ему всею душею.

Въ концѣ письма своего она объявляетъ, что хотя въ глазахъ свѣта она виновна, но постарается искупить свою вину, дѣлая добро другимъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣняя себя въ обя-

зависность отплатить и своей бывшей благодѣлительницѣ хотя часть того добра, что она отъ нея получила; умоляетъ ее написать ей о своихъ нуждахъ, зная, что дѣла ея не такъ цвѣтущи. Но не прибѣгнула г-жа Террей къ ея помощи,—судьба нашла ей иного покровителя. Она познакомилась въ Москвѣ съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ Р. Н. Миттономъ, богатымъ негоціантомъ-вдовцомъ, имѣвшимъ уже двухъ сыновей<sup>1)</sup>,—и съ того времени вѣсчастная судьба ея должна была переимѣниться въ лучшее. Тронутый положеніемъ трудолюбивой женщины, претерпѣвшей уже въ своей жизни столько превратностей, Миттонъ предложилъ ей свою руку и, получивъ согласіе, перевезъ ее въ Петербургъ, гдѣ и женился на ней, 20-го декабря 1808 года, въ католической церкви, что на Невскомъ проспектѣ; а послѣ свадьбы переѣхалъ съ нею въ свой собственный домъ, на углу Гороховой и Адмиралтейской площади.

Р. Н. Миттонъ происходилъ отъ старинной французской фамиліи, родомъ изъ Нормандіи; ихъ было четыре брата: старшій изъ нихъ (Mitton des Croisettes) наследовалъ послѣ отца всѣмъ имѣніемъ и жилъ въ помѣстьяхъ своихъ; меньшой (l'abbé Mitton Warango) пошелъ въ духовное званіе, а двое среднихъ рѣшились искать счастья въ коммерческихъ оборотахъ и переѣхали въ Россію, въ началѣ 1800-хъ годовъ. Счастье имъ благопріятствовало; они вскорѣ разбогатѣли оптовою колоніальною торговлею, имѣли свои корабли и свои дома въ Петербургѣ и Москвѣ.

Наступилъ 1812 годъ и объявлена была война съ Франціею; всѣ французскіе подданные, бывшіе въ Россіи, получили повелѣніе возвратиться въ свое отечество. Миттонъ съ семействомъ послѣдовалъ за своими соотечественниками и пробылъ въ Парижѣ до 1814 года. Когда союзныя войска вступили въ Парижъ, первымъ дѣломъ Миттона было испросить дозволеніе переселиться снова въ Россію, гдѣ у него было, въ обѣихъ столицахъ, столь значительное имуществъ. Домогательство свое онъ началъ производить, чрезъ посредство великаго князя Константина Павловича. Отецъ мой былъ тогда при немъ дежурнымъ адъютантомъ и доставилъ случай Миттону представиться великому князю.

Цесаревичъ любилъ французовъ и охотно разговаривалъ съ

<sup>1)</sup> Старшій изъ нихъ генералъ отъ артиллеріи, живетъ въ Одессѣ.

ними въ ихъ шутливомъ тонѣ, придумныя остроты и каламбуры, что всегда было его любимымъ конькомъ. Ему очень понравился Миттонъ и онъ не только выхлопоталъ ему дозволеніе возвратиться въ Россію, но предложилъ ему быть его главнымъ комиссіонеромъ, такъ что, въ концѣ 1814 года, Миттонъ уже снова явился въ Петербургъ и, по своей должности, часто бывалъ у великаго князя. Съ этихъ поръ началось знакомство отца моего съ Миттономъ.

Въ началѣ 1815 года, г-жа Фридрихсъ переѣхала, вмѣстѣ съ 8-ми лѣтнимъ сыномъ своимъ, изъ Петербурга въ Варшаву, гдѣ жила въ одномъ домѣ съ высокимъ своимъ покровителемъ до 1820 года. Она все надѣялась на данное ей обѣщаніе, что эта связь укрѣпится со временемъ законнымъ бракомъ. Отъ своихъ прежнихъ узъ она давно была освобождена по формальному разводу съ мужемъ; оставалось только дожидаться такой же формальности со стороны ея высокаго покровителя, котораго бракъ не былъ еще уничтоженъ, не смотря на то, что онъ давно уже развѣхался съ прежнею супругою. Попытки неоднократно были дѣлаемы, но, по высшей, независимой отъ нихъ волѣ, окончательнаго разрѣшенія не послѣдовало. Страдая внутренно отъ того фальшиваго положенія, въ которое она была поставлена, и не видя никакой возможности изъ него выйти, г-жа Фридрихсъ рѣшилась, ради свѣтскаго приличія, пожертвовать всѣмъ своимъ счастьемъ,—и сама добровольно расторгла свою связь, вступивъ въ супружество съ полковникомъ Вейсъ, 7-го марта 1820 года; а вслѣдъ за тѣмъ, т. е. 20-го того же марта (какъ будто ожидали только этого случая), состоялось разрѣшеніе объ уничтоженіи брака ея бывшаго покровителя.

Эта послѣдняя жертва, понесенная ею, такъ сильно повліяла на ея здоровье, что она должна была удалиться за границу для леченія; долго томилась она, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, какъ бы спасаясь отъ угнетающихъ ее тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ, но удрученная, наконецъ, ими, она скончалась въ Ниццѣ, 5-го апрѣля 1824 года.

Жозефина Фридрихсъ-Вейсъ являетъ собою одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ женщинъ, брошенныхъ въ свѣтъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, безъ всякаго руководителя, на произволъ судьбы, и сохранившей, однако-жъ, при всей окружавшей ея обстановкѣ и

средѣ, чувство собственнаго достоинства и неиспорченную нравственность. Довѣрчивый характеръ и мягкое сердце заставляли ее дѣлать ошибки, но, постоянно обманутая въ своихъ надеждахъ, она тяготилась своимъ положеніемъ и всячески старалась изъ него выйти; если, подъ конецъ, она впала въ фальшивое положеніе, то не по своей винѣ, не какъ авантюриста, добивавшаяся своей цѣли, а просто—силою обстоятельствъ и игрою случая.

Кто зналъ ее покороче, тотъ могъ оцѣнить истинныя ея достоинства. Обладая душою прекрасною, она пользовалась положеніемъ и вліяніемъ только для дѣланія добра другимъ. Невмѣшиваясь вовсе въ государственныя занятія своего высокаго покровителя, она, однако-жъ, умѣла вліяніемъ своимъ укрощать его пылкій нравъ и порывы бурныхъ страстей, тогда, когда они могли служить во вредъ другимъ. Сострадательная къ несчастнымъ, она нерѣдко принимала участіе въ смягченіи горькой участи политическихъ преступниковъ и многіе изъ нихъ обязаны ей своимъ помилованіемъ. По описанію отца моего и другихъ очевидцевъ, она не была, что называется, красавицею. Роста средняго, съ темнорусыми, почти черными волосами, зачесанными по старинной модѣ маленькими кудрями на лбу, она, какъ видно изъ превосходнаго, сохранившагося у меня, ея портрета, имѣла лицо не правильное; маленькій носикъ, нѣсколько вздернутый, губы тонкія, всегда улыбающіяся, цвѣтъ лица чистый, слегка румяный,—придавали ей большую миловидность; но главную ея прелесть составляли глаза, большіе, каріе, съ выраженіемъ необыкновенной доброты и осѣненные длинными черными рѣсницами.

Какъ и большая часть своихъ соотечественницъ, она говорила скороговоркою, слегка картавя, и въ дружеской бесѣдѣ была очень веселаго нрава.

### III.

#### Княгиня Ловичъ.

12-го мая 1820 года совершилось въ Варшавѣ, въ придворной церкви въ замкѣ, бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича съ польскою дѣвицею Іоанною Грудзинскою. Бракъ этотъ былъ совершенъ втайнѣ, безъ предварительной огласки и при трехъ только свидѣтеляхъ: графѣ Курутѣ, гене-

рагѣ Жандрѣ и моемъ отцѣ, такъ что прочіе, служащіе при великомъ князѣ лица узнали о немъ только на другой день. Послѣ свадьбы его высочество переѣхалъ, съ молодою женою, во вновь отдѣланную половину Бриловскаго дворца <sup>1)</sup>).

Княгиня Жанета Антоновна Ловичъ была дочь польскаго небогатаго помѣщика, Антона Грудзинскаго, нѣкогда служившаго въ Наполеоновской арміи и уже умершаго въ то время; мать ея вступила во второй бракъ за графа Бронницъ, имѣвшаго званіе гофмаршала двора <sup>2)</sup>. У ней было всего три дочери отъ 1-го брака и всѣ три красавицы; Жанета Антоновна была изъ нихъ меньшою. Старшая изъ нихъ вышла за Гутаковскаго, котораго императоръ Александръ назначилъ флигель-адъютантомъ; на другой, одаренной замѣчательнымъ умомъ, женился полковникъ Хлаповскій, весьма способный отъ природы человекъ, бывшій нѣкогда officier d'ordonnance у Наполеона; вынужденный цесаревичемъ оставить русскую службу, онъ проживалъ, обыкновенно, въ Познани, а въ 1831 году сражался противъ русскихъ въ рядахъ своихъ собратій.

Великій князь познакомился съ Жанетою Антоновною еще за три года до своей свадьбы, встрѣтивъ ее въ первый разъ на балѣ у намѣстника Заіончика, гдѣ она обратила его вниманіе своею граціозностію въ танцахъ. Съ того времени, встрѣчаясь съ нею часто на балахъ у польскихъ вельможъ и познакомившись съ нею покороче, онъ сталъ ѣздить въ домъ ея матери гр. Бронницъ, и подъ конецъ, почти всякій вечеръ просиживалъ у нихъ постоянно отъ 8 до 11 часовъ, всегда въ мундирѣ и въ орденахъ.

При весьма привлекательной наружности, княгиня Ловичъ обладала высокими качествами ума и сердца, и къ тому же была образованная женщина; прекраснымъ воспитаніемъ своимъ она обязана была одной англичанкѣ, бывшей у нихъ долгое время гувернанткой въ домѣ. Роста средняго, съ прекрасными голубыми глазами и правильными чертами лица, княгиня Ловичъ въ особенности отличалась такимъ достоинствомъ во всѣхъ своихъ

<sup>1)</sup> Высочайшимъ манифестомъ, даннымъ въ С.-Петербургѣ іюля 8—20 дня 1820 года, всемілостивѣйше пожаловано супругѣ великаго князя въ удѣлъ городъ Ловичъ и титулъ княгини Ловичской. Е. Е.

<sup>2)</sup> Человека разгульной жизни и замѣчательнаго собутыльника. Е. Е.

движеніяхъ и приемахъ (*un air distingué*), что невольно внушала къ себѣ всеобщее уваженіе, и была прозвана царицею всѣхъ баловъ. Необыкновеннаго цвѣта пепельно-бѣлокурые волосы и чудная коса придавали ея лицу большую оригинальность.

Не смотря на свое внезапное возвышеніе, она стѣмѣла, съ большимъ тактомъ, тотчасъ поставить себя вполне соотвѣтственно высокому положенію; при всемъ томъ, обходительная и ласковая ко всѣмъ приближеннымъ великаго князя, она вскорѣ привола къ себѣ всѣ сердца.

Въ первые годы, послѣ свадьбы, она часто выѣзжала съ цесаревичемъ на балы, даваемые высшими сановниками, любила танцы, театры, торжественные приемы во дворцѣ и парады; но со временемъ здоровье ея стало слабѣть, она должна была ограничивать свои выѣзды, и нѣсколько разъ ѣздила на Германскія воды для леченія.

Свѣта у ней была небольшая и любимую фрейлиною ея была графиня Малаховская, которая постоянно ее сопровождала въ заграничныхъ поѣздкахъ. Она любила великаго князя искренно и преданность свою къ нему доказала во многихъ случаяхъ.

#### IV.

1826 годъ <sup>1)</sup>.

Приѣзды государя Александра Павловича и иностранныхъ принцевъ въ Варшаву сопровождались, обыкновенно, большими торжествами. Городъ оживлялся чрезвычайно. Великій князь Константинъ, съ особенною гордостью, выводилъ на смотры созданныя имъ польскія войска, обученіе которыхъ было доведено имъ, по тогдашнему времени, до возможнаго совершенства. Изъ всѣхъ польскихъ полевыхъ отячалъ онъ въ особенности 4-й пѣхотный полкъ, который и былъ его любимой забавой. Онъ зналъ въ этомъ полку не только всѣхъ офицеровъ по имени, но и всѣхъ фельдфебелей и многихъ рядовыхъ и, ставя этотъ полкъ постоянно въ образецъ прочимъ, всегда былъ въ веселомъ расположеніи духа, когда, бывало, выводилъ его на ученіе. Русское войско въ Варшавѣ состояло изъ двухъ пѣхотныхъ полевыхъ: волынскаго

<sup>1)</sup> Къ этой главѣ относится весьма характерный эпизодъ, рассказанный Е. П. Колзакимъ по воспоминаніямъ своего отца и напечатанный въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. I, изд. перв., стр. 495—499; изд. второе, 247—253.  
Ред.

и литовскаго, 3-хъ кавалерійскихъ: подольскаго, кирасирскаго, уланскаго его высочества, гродненскихъ гусаръ, и двухъ батарей: одной—конной и одной—пѣшей.

Казармы этихъ полковъ были расположены: волинскаго и литовскаго въ сѣверной части города, въ такъ-называемыхъ Александровскихъ и Уяздовскихъ казармахъ, а кавалерія стояла недалеко отъ бельведера, въ деревянныхъ низкихъ казармахъ, окруженныхъ рвами; артиллерія была расположена въ городахъ, но находилась довольно далеко отъ Варшавы, именно: конная батарея—въ Скергивцахъ, а пѣшая—въ Гурѣ. Въ лѣтнее время войска выходили, обыкновенно, въ лагерь, расположенный за Маримонтской заставой, на такъ-называемомъ маримонтскомъ полѣ.

Маримонтскій лагерь отличался необыкновенною красотою. Длинные тѣнистыя аллеи вели по фронту и раздѣляли поля одинъ отъ другого. Полковые, бригадные и дивизионные командиры развели во кругъ своихъ барачковъ изящные сады, гдѣ, среди роскошнаго выбора цвѣтовъ и деревьевъ, видѣлись статуи и красивыя бесѣдки; щеголяя другъ передъ другомъ убранствомъ помѣщеній, командиры войскъ устраивали, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, пиры, на которые стекалась обыкновенно вся блестящая молодежь столицы и цвѣтъ лучшихъ красавицъ. Музыка гремѣла повсюду и танцы продолжались далеко за полночь, при блестящей иллюминаціи, и оканчивались фейерверками,—все это приманивало громадную массу публики, такъ что маримонтскій лагерь служилъ постояннымъ гульбищемъ для жителей Варшавы.

Шелъ годъ за годомъ въ непрерывныхъ веселіяхъ и удовольствіяхъ. Казалось, повидимому, что два единоплеменные народа, прежде такъ долго враждовавшіе между собою, должны были, наконецъ, слиться въ неразрывныхъ узахъ братства и любви. Русскіе всѣ заговорили по-польски; вся наша военная молодежь обзавелась коханками и помышляла только о любовныхъ интригахъ, о танцахъ и другихъ увеселеніяхъ; а красивыми паннами такъ щедро надѣлена Варшава. Какъ войско Аннибала, очарованное въ стѣнахъ Капуи, съ безпечностью предавалось всѣмъ прелестямъ веселой жизни, такъ и русское воинство въ Варшавѣ, прельщенное и ослѣпленное, утопало въ наслажденіяхъ чувственныхъ, не заботясь о будущемъ и не думая вовсе, что могутъ настать когда-нибудь и худшія времена. Пока, такимъ образомъ, все

лизовало въ Варшавѣ, разразилась вдругъ, какъ громовой ударъ, вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича. Замолкло все въ Варшавѣ, оцѣпенѣли всѣ сердца. Рѣшался вопросъ о будущей судьбѣ громадной Россіи. Законный преемникъ былъ въ Варшавѣ; всѣ взоры были устремлены на него—всѣ были въ тревожномъ ожиданіи, что скажетъ Россія, въ виду небывалаго еще спора двухъ братьевъ не о захватѣ престола, а объ уступкѣ его! Чѣмъ вырѣшится этотъ вопросъ? Въ трепетномъ волненіи всѣ ждали извѣстій изъ Петербурга; наконецъ, получили вѣсть объ отреченіи великаго князя Константина, о воцареніи императора Николая, а вслѣдъ за тѣмъ о возмущеніи 14-го декабря. Все впало въ уныніе; русскіе, не зная еще именъ заговорщиковъ, но зная только, что ихъ арестовано много, опасались, кто за родственниковъ, кто за добрыхъ знакомыхъ и товарищей. Поляки же приуныли, предугадывая заранѣе что-то недоброе для себя,—и дѣйствительно, показанія задержанныхъ декабристовъ наружили имена многихъ польскихъ революціонеровъ; начался тотчасъ аресты въ Польшѣ. Горизонтъ сталъ омрачаться. Наряжена коммиссія, въ началѣ 1826 года, въ составъ коей назначенъ былъ и отецъ мой.

Вотъ подлинный текстъ полученнаго имъ секретнаго по сему случаю предписанія.

(Переводъ). „Варшава, 7-го февраля 1826 г. Г-ну капитанъ-командору Колзакову. Его императорско-королевское величество, полагая имѣть достаточно поводовъ къ предполагаемому существованію въ Польшѣ общества, имѣвшаго цѣлю—нарушеніе порядка, нынѣ уста-

Warsovie le 7 Février 1826.

(Подлинникъ). A m-r le Capitaine Commodore Kolzakow.

«Sa Majesté l'Empereur et Roi croyant avoir acquis des motifs suffisants pour supposer l'existence d'une association en Pologne, qui aurait pour but la subversion de l'ordre actuellement établi dans le Royaume, a bien voulu m'investir d'un pouvoir discretionnaire et illimité à l'effet de prendre telles mesures de surveillance de sureté ou de rigueur que le besoin de Son service, et mon discernement me dicteraient dans la vue d'atteindre les coupables et mettre un terme à leurs pernicieuses menées.

Afin de répondre à la confiance de l'Empereur et Roi, j'ai résolu d'instituer un comité d'enquêtes chargé de recueillir les dépositions des individus inculpés et de constater l'évidence des chefs d'accusation, le comité, dont je me réserve la direction supérieure et dont je Vous ai appelé à faire partie, m-r le Capitaine

новленнаго въ царствѣ, соизволилъ обличить меня неограниченною и конфиденціальною властію, дабы приняты были мною тѣ мѣры предохраненія, предосторожности и строгости, кои будутъ вынуждены мнѣ долгомъ службы и моею предусмотрительностію, въ видахъ отысканія и обличенія виновныхъ, дабы тѣмъ положить предѣлъ ихъ зловерд-нымъ замысламъ.

„Дабы оправдать довѣріе его императорско-королевскаго величества, я рѣшился учредить слѣдственную комиссію, коей обязанности состоятъ въ отобраніи допросовъ отъ провинившихся лицъ и уличеніи главныхъ вождей обвиненныхъ. Въ этой комиссіи, предоставляя себѣ главное предсѣдательство, я назначаю васъ, г. капитанъ-командоръ, членомъ. Комиссія будетъ состоять изъ 10-ти членовъ, изъ коихъ 5 русскихъ и 5 польскихъ; въ числѣ первыхъ назначены: дѣйствительный тайный совѣтникъ Новосильцевъ, генералъ-лейтенантъ Курута, генералъ-маіоръ Кривцовъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ баронъ Моренгеймъ; въ числѣ вторыхъ: палатинъ и президентъ сената графъ Замоискій, палатинъ Грабовскій (Францискъ), министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ графъ Грабовскій, министръ юстиціи графъ Игнатій Соболевскій и дивизіонный генералъ Гауке (военный министръ). Я желаю, чтобы первое засѣданіе этой комиссіи было 8-го (20-го) текущаго мѣсяца, въ 6 часовъ вечера. Члены имѣютъ собраться въ одной изъ залъ Вриловскаго дворца, отведенной для ихъ засѣданій. Бригадный генералъ Раутенштраухъ назначается секретаремъ засѣданій комиссіи, генералъ Кривцовъ возьметъ на себя трудъ переписки со внутренними губерніями имперіи, а дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Моренгеймъ — будетъ завѣдывать иностранною перепискою. Константинъ“.

Варшава, 7-го февраля 1826 г.

---

commodore, sera composé de dix membres, dont 5 russes et 5 polonais, au nombre des premiers seront: M. M. le conseiller privé actuel Novosiltsoff, le lieutenant général Kourouta, le général major Kriwtzow et le chambellan et conseiller d'état actuel Baron de Mohrenheim; au nombre des seconds seront: M. M. le Palatin et Président du Sénat C-te Zamoisky, le palatin Grabowsky (François), le ministre des Cultes et de l'Instruction publique C-te Grabowsky le ministre de la Justice Comte Ignace Sobolewsky et le general de Division Hauke (ministre de la Guerre). Mon intention est que la première seance du comité ait lieu Lundi prochain le 20 du Courant, à 6 heures du soir. Les membres se réuniront dans un appartement du palais de Brühl, consacré à leurs travaux. C'est M-r le Général de brigade Rautenstrauch, qui tiendra la plume aux séances du Comité; m-r le Général de Kriwtzow se chargera des correspondances à établir avec les provinces de l'Empire et m-r le Conseiller d'état actuel Baron de Mohrenheim de celles à entretenir avec l'étranger. Constantin.

Коммиссія тотчасъ приступила въ дѣлу. Вслѣдствіе показаній въ началѣ арестованныхъ лицъ, обнаружился громаднѣйшій заговоръ противъ правительства русскаго, съ цѣлію возстановленія свободной Польши, въ прежнихъ ея предѣлахъ. Заговоръ этотъ, имѣвшій связь со многими тайными обществами, образовавшимися за нѣсколько лѣтъ до того, былъ распространенъ въ разныхъ кружкахъ не только по всему царству польскому, но и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, даже за границу. Число виновныхъ прибывало съ каждымъ днемъ; доносы не переставали, аресты увеличивались. Улики были явныя и грозили привести многихъ къ эшафоту. Все въ Варшавѣ затрепетало и впало въ ужасъ. Паника сдѣлалась такъ велика, что многіе повиѣхали за границу. Недовѣрчивость и тайная злоба стали вкрадываться въ русское общество противъ поляковъ; это былъ первый, явный поводъ къ разрыву двухъ племенъ, начинавшихъ-было сближаться, хотя со стороны поляковъ никогда и не было, въ сущности, чистосердечнаго намѣренія къ примиренію,—все это была маска и лишь заученая роль. Но вотъ завѣса раскрылась и обнаружила интригу уже не шуточную, а цѣлый громаднѣйшій заговоръ. Народная гордость наша была затронута; еще обаяніе нашей славы было во всей своей силѣ; еще были свѣжи въ памяти наши недавнія побѣды; еще Россія гордилась тѣмъ, что сокрушила величайшаго полководца въ мірѣ и даровала миръ цѣлой Европѣ; смодвиженныя и сотруженныя колоссальной борьбы, изъ которой мы вышли побѣдителями, были во множествѣ тутъ же на лицѣ. Понятно, съ какимъ справедливымъ негодованіемъ они должны были взирать на эти враждебныя демонстраціи, столь мало заслуженныя и неосновательныя, противъ Россіи, которая спасла, возстановила и облагодѣтельствовала Польшу; и вотъ, вмѣсто благодарности, пользуясь единственно нашею снисходительностію, поляки намъ готовили Варсавскую ночь. Почему же не возставали они противъ нашихъ сосѣдей, австрійцевъ и пруссаковъ, гдѣ польская національность была подавлена, гдѣ у нихъ отняты были всѣ права на самостоятельность и гдѣ гнетъ нѣмецкій былъ, дѣйствительно, невыносимъ. Потому только, что мы сами дали имъ всѣ средства къ возстанію противъ насъ, такъ сказать, облегчили имъ эту задачу, давъ имъ полную автономію и готовое войско, а сами не подумали о собственной защитѣ.

Дѣла коммисіи продолжались слишкомъ годъ. Арестованныхъ лицъ было множество, въ особенности изъ военной молодежи, которую великій князь болѣе всего выводилъ изъ терпѣнія своею вспыльчивостію и горячностью на ученьяхъ. Вся Польша трепетала въ ожиданіи грозной развязки. Знатнѣйшія фамиліи польскія были компрометированы,—многіе изъ ихъ членовъ были замѣняемы въ число заговорщиковъ и арестованы. 1826-й годъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ Варшавѣ.

По окончаніи слѣдствія, дѣла были переданы на разсмотрѣніе великаго князя Константина, и такъ какъ, въ числѣ арестованныхъ лицъ, было много людей военнаго званія, то великій князь предложилъ судить ихъ военнымъ судомъ; но, по волѣ государя, не желавшаго нарушить существующія законныя формы, дѣло передано было въ сенатъ польскій, какъ въ высшее судилище въ краѣ.

Это одно обстоятельство уже было торжествомъ для поляковъ, потому что сенатъ, состоя весь изъ членовъ польскихъ (исключая одного только Н. Н. Новосильцева), подавалъ имъ много надежды на успѣшный исходъ, такъ что нельзя не полагать, чтобы и тутъ не было интриги. Президентомъ судилища былъ избранъ старѣйшій изъ членовъ, графъ Бѣлинскій, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, совершенно неспособный къ такому дѣлу,—однимъ словомъ, такой, какой требовался польскою партіей, а не русскою.

Началось странное судилище, продолжавшееся два мѣсяца. Говорю странное по результату, потому что задача была трудная—подлежало буквально изъ чернаго сдѣлать бѣлое,—и тутъ-то высказалась вся громадная изобрѣтательность подпольной интриги. Патеры-іезуиты, какъ вѣдь, выполняли изъ своихъ норъ и схватились дружно за всѣ вспомогательныя средства и уловки. Аристократія польская, съ женскою половиною, была приведена въ движеніе. Вопросъ затрогивалъ всѣ интересы, всѣ пружины были натянуты,—и все, что только человѣческій умъ можетъ изобрѣсти въ видахъ искушенія людей, все было употреблено въ дѣло въ отношеніи членовъ суда. Каждый изъ нихъ былъ буквально окруженъ какимъ-то таинственнымъ, очаровательнымъ кругомъ и подвергался всевозможнымъ обольщеніямъ посредствомъ женщинъ, золота и угрозъ мщенія; понятно, что, при такой обстановкѣ,

дѣло должно было принять совсѣмъ иной оборотъ. Изъ числа судей немного нашлось святыхъ Антоніевъ, и только двое оказалось обвинителей—Новосильцевъ, какъ русскій, и другой, хотя полякъ, но носившій русскій мундиръ,—генераль-адъютантъ Красинскій, поплатившійся впоследствии жизнью за таковую смѣлость.

Большинствомъ голосовъ заговорщики были оправданы всѣ до одного и тотчасъ освобождены изъ-подъ ареста. Непонятно ослѣпление нашего правительства, предоставить вопросъ такой важности, касавшійся явно интересовъ Россіи, на судъ исключительно поляковъ!

Торжество во всемъ краѣ было неописанное. Съ этой минуты заговорщики, съ бѣлымъ рвеніемъ, принялись снова за дѣло; но за то плели сѣть заговора съ большею уже осторожностію.

## V.

### Коронація Николая I въ Варшавѣ.

1829.

Привожу выписки изъ собственноручныхъ, подлинныхъ замѣтокъ отца моего, относящихся до коронаціи государя Николая I въ Варшавѣ, въ 1829 году; изъ нихъ я вычеркнулъ все то, что относится до частной жизни автора Записокъ.

«1829 года, 1-го мая, приѣхалъ въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ, а 4-го мая, въ день рожденія великой княгини Ловичъ, послѣ обѣдни, оба великіе князя поѣхали въ Яблонну на встрѣчу государя императора, который приѣхалъ на коронацію изъ Петербурга и остановился въ Яблоннѣ на ночлегъ. Великіе князья возвратились въ Варшаву въ тотъ же вечеръ, а на другой день, т. е. въ воскресенье 3-го мая, съ утра, стали собираться войска и становились шпалерами по улицамъ отъ самой Модлинской заставы.

1-й эшелонъ войскъ стоялъ за полуверсты отъ заставы, гдѣ были отведены и украшены два дома для государя и императрицы.

Въ 10<sup>1/2</sup> часовъ утра всѣ стояли уже на мѣстахъ; день былъ ясный, теплый. Великіе князья, въ 9<sup>1/2</sup> часовъ, выступили изъ замка верхами, а за ними вся свита поскакала чрезъ новую мостъ на Вислѣ въ Прагу. Мы остановились у двухъ домовъ, гдѣ

уже ожидали насъ, въ золотыхъ каретахъ, четыре министра и Н. Н. Новосильцевъ; президентъ города съ чиновниками, назначенными для поднесенія хлѣба и соли, стояли тутъ же вмѣстѣ съ другими изъ свиты. Народу кругомъ, по улицамъ, въ окнахъ домовъ и на кровляхъ было видимо-невидимо. Въ 11 часовъ государь императоръ подъѣхалъ въ коляскѣ, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ, къ домику и тотчасъ сѣли на лошадей. Великій князь поднесъ рапортъ государю и всѣ поѣхали по фронту мимо трехъ конныхъ полковъ, стоявшихъ за заставой (лейбъ-кирасиры, польскій гвардейскій конно-егерскій и польскій конно-егерскій, 1-й полкъ наслѣдника). Вслѣдъ затѣмъ подъѣхала императрица къ другому домику и вышла изъ кареты.

Государь, доѣхавъ до заставы, вернулся назадъ; президентъ города встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью; государь послалъ ихъ къ императрицѣ и ей подали они хлѣбъ-соль.

Государь императоръ, возвратясь, сошелъ съ лошади у своей квартиры и, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ, они всѣ пошли завтракать. Когда они кончали, данъ былъ сигналъ ракетю.

Государь со свитою сѣлъ верхомъ, императрица сѣла въ парадную карету одна—и кортежъ тронулся къ заставѣ; при звукѣ гимна, громѣ пушекъ, крикахъ ура, звонѣ колоколовъ, медленно подвигалась процессія; видъ былъ торжественный.

Наконецъ, въ 12<sup>1/2</sup> часовъ, прибыли всѣ къ замку и, сойдя съ лошадей, вошли въ палаты и прямо въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ. Тѣмъ и кончилась церемонія въ этотъ день.

Когда всѣ разъѣхались, государь поѣхалъ съ визитомъ къ великому князю въ Бриловскій дворецъ. Оба великіе князя обѣдали въ этотъ день съ государемъ въ замкѣ, также и княгиня Ловичъ.

Вечеромъ городъ былъ блестящимъ образомъ иллюминированъ, въ особенности садъ Красинскаго и казенное зданіе, что по близости. На Краковскомъ предмѣстьи окна и балконы были убраны коврами и драпировками, а вечеромъ—огненными гирляндами и фестонами; во многихъ мѣстахъ были транспаранты съ вензелями Н. и А. и большой щитъ передъ дворцомъ.

День былъ тихій, теплый; народъ толпился по улицамъ и, при проѣздѣ государя, кричалъ ура! Государь и вечеромъ заѣхалъ въ Бриловскій дворецъ къ великому князю, а императрица

была у княгини Ловичъ; тѣмъ кончился день 5-го мая. На другой день былъ разводъ на Саксонской площади. Погода, какъ нельзя болѣе, благопріятствовала церемоніи; множество любопытныхъ стекалось вокругъ площади смотрѣть на парадъ; балконы и окна были наполнены дамами; государь съ наслѣдникомъ пріѣхалъ въ 10 часовъ и пошелъ по фронту; императрица смотрѣла изъ оконъ квартиры генерала Куруты. Послѣ развода было представленіе во дворцѣ всей свиты великаго князя, которую онъ самъ представлялъ государю, поименно. Въ Саксонскомъ саду играла музыка. Наслѣдникъ ходилъ гулять; тамъ было множество народу.

7-го мая былъ снова разводъ на Саксонской площади, въ присутствіи государя, послѣ чего вся гвардія и штабъ-офицеры арміи представлялись во дворцѣ императрицѣ и былъ *baise-main*.

Княгиня Ловичъ въ этотъ день заболѣла и пролежала въ постелѣ цѣлый день.

8-го мая день былъ жаркій; разводъ былъ на площади. Императрица смотрѣла изъ окна квартиры гр. Куруты. Государь смотрѣлъ до развода школу пѣшихъ подпоручиковъ и дѣлалъ имъ ученіе на площади. Въ 12 часовъ во дворцѣ было представленіе у императрицы всѣхъ дамъ и подходили къ рукѣ ея.

Княгиня Ловичъ все была больна и не выходила; но ей къ вечеру сдѣлалось лучше.

9-го мая, въ 9<sup>1/2</sup> часовъ утра, былъ на Марсовомъ полѣ смотръ всему войску русскому и польскому. Государь былъ верхомъ, въ лентѣ, а императрица проѣхала въ колясцѣ по фронту съ камеръ-фрейлиной, графиней Орловой. Войска стояли въ колоннахъ въ четыре линіи; потомъ былъ церемоніальный маршъ, по-взводно. Великій князь самъ велъ парадъ, потомъ проходили колокнами. Государь былъ очень доволенъ смотромъ и все кончилось въ 12 часовъ. Въ 1-мъ часу собрались, передъ Бриловскимъ дворцомъ, герольды съ ассистентами и конвоемъ польскаго военно-егерскаго полка, и, въ сопровожденіи генерала Вивентія Красинскаго, поѣхали до площади замка; тамъ, передъ дворцомъ, остановились и читали объявленіе о коронаціи и бросали газетизеры по улицамъ; потомъ, раздѣлившись на два отряда, поѣхали по всѣмъ улицамъ Варшавы и на всѣхъ площадяхъ читали манифестъ. Въ 7 часовъ государь съ императрицей пріѣхали къ княгинѣ Ловичъ навѣстить,—она все еще была въ постелѣ, но ей лучше.

Въ 8 часовъ вечера государь съ императрицей пошли пѣшкомъ изъ Бриловскаго дворца до замка. Въ саду было гулянье и большое стеченіе публики.

10-го мая бѣлъ разводъ на Саксонской площади, въ присутствіи государя, въ 10 часовъ утра; послѣ того государь посѣтилъ княгиню Ловичъ, ей было лучше; оттуда, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, онъ поѣхалъ въ замокъ.

Въ 12 часовъ герольды снова ѣздили по городу, собравшись у Бриловскаго дворца.

Я былъ вечеромъ на балѣ у коменданта Левицкаго, куда была приглашена и вся свита государя.

Вечеромъ его величество снова былъ у княгини Ловичъ.

11-го мая у меня собралось много дамъ, съ утра, смотрѣть на разводъ изъ нашихъ оконъ. Государь посѣтилъ, послѣ того, княгиню Ловичъ. Я пошелъ во дворецъ и назначенъ былъ, въ числѣ другихъ генераловъ, для несенія балдахина во время коронованія, подъ которымъ государыня должна идти. Мы дѣлали тамъ репетицію, что продолжалось до 2-хъ часовъ.

12-го мая. Въ воскресенье, съ утра, снова съѣхалось ко мнѣ много дамъ и дѣвицъ. Я одѣлся въ полную парадную форму и, въ 9½ часовъ, поѣхалъ во дворецъ; день былъ превосходный, какъ казалось, и жаркій. Во дворецъ начали собираться; уже вся площадь дворцовая и пристроенная галлерей наполнились народомъ,—стеченіе публики было огромное. Въ 11 часовъ изъ дворца тронулась процессія съ регаліями и короною въ кафедральному востелу; отъ самыхъ воротъ дворца до востела былъ сдѣланъ помостъ, устланый малиновымъ сукномъ; кавалерійскіе солдаты разставлены были отъ самаго дворца, изъ сенатской комнаты, до востела. Въ 1-мъ часу возвратилась церемонія изъ востела гдѣ всѣ эти вещи были освящены, и пронесли ихъ въ государевы комнаты, а чрезъ полчаса процессія эта снова показалась и стала съ этими же вещами противъ трона; государь изволилъ выйти вмѣстѣ съ императрицей.

Когда государь сталъ на свое мѣсто, то примасъ прочелъ молитву и провозгласилъ его королемъ польскимъ. При семъ послѣднемъ словѣ началась пальба изъ пушекъ, послѣ чего примасъ поднесъ государю порфиру, которую начали надѣвать на государя придворные, первые сановники, за тѣмъ корону, снѣ-

петръ и державу,—все это съ молитвою подносило было примасомъ. Государь, поднесенную ему, корону надѣлъ самъ себѣ на голову; потомъ, двое великихъ князей подвели къ нему императрицу, которая стала на колѣна и онъ надѣлъ на нее цѣпь Бѣлаго Орла и корону, и она стала съ нимъ рядомъ у трона.

Вслѣдъ за тѣмъ государь сталъ на колѣна и произнесъ, на французскомъ языкѣ, молитву; когда онъ кончилъ и всталъ, то императрица и вся свита въ залѣ стали, въ свою очередь, на колѣна, и примасъ началъ читать молитву, послѣ которой всѣ встали и началось шествіе. Балдахинъ стоялъ у воротъ дворца готовый; мы за него взялись, 16 полковниковъ его держали и мы, 16 генераловъ, держась за кисти, были ассистентами. Императрица стала подъ балдахинъ. Государь, въ коронѣ и порфирѣ, вышелъ изъ воротъ и сталъ впереди; за нимъ шли великіе князья Константинъ и Михаилъ, потомъ императрица, подъ балдахиномъ,—у ней ассистентами были: графъ Соболевскій и графъ Красинскій; потомъ шелъ наслѣдникъ съ княгинею Ловичъ, а потомъ—весь дворъ. Процессія потянулась къ кафедральному костелу, гдѣ отслужили тедеумъ [молебствіе], по окончаніи котораго все шествіе, тѣмъ же порядкомъ, пошло обратно во дворецъ, при громѣ музыки, звонѣ колоколовъ и крикахъ ура, стоявшихъ войскъ и всей толпы. Зрѣлище было торжественное. Все это кончилось къ 2-мъ часамъ.

Устроенная галлерей дворца была наполнена дамами аристократическаго круга; видъ былъ неподобный.

Въ три часа былъ парадный банкетъ при дворѣ для особъ первыхъ трехъ классовъ, съ женами ихъ, и духовенства; во время стола служили камергеры, а церемоніймейстеръ стоялъ съ жезломъ противъ государя; пили за здоровье государя, императрицы, всей царской фамиліи и народа польскаго, при пушечной пальбѣ и крикахъ ура; я насилу могъ добраться до дому сквозь толпу, которая густыми массами стояла у дворца и по улицамъ. Вечеромъ была блестящая иллюминація; экипажей было такъ много, что насилу двигались въ нѣсколько рядовъ.

Въ этотъ день получили награды: графиня Соболевская—портретъ; графиня Кудаконская—кокарду; графиня Гауке—кокарду, а дочь ея пожалована фрейлпной; мужъ ея—Бѣлаго Орла; m-me Левицкая и Рихтеръ—кокарды; дочь Левицкой—

фрейлиной; также и дѣвцы Рихтеръ и Раутенштраухъ. Графъ Красинскій и генералъ Рожицкій—Бѣлаго Орла; Стасъ Потоцкій—генераль-аншефа; генералъ Раутенштраухъ—Александровскую ленту; генералъ Рихтеръ сдѣланъ генераль-лейтенантомъ и генераль-адъютантомъ; генералъ Курнставій—также; генералъ Круковецкій—генераль-лейтенантомъ; 8 польскихъ полковниковъ—въ генераль-маіоры; П. К. Александровъ—флигель-адъютантомъ; генералъ Кривцовъ—Владимира 2-й ст.; генералъ Даниловъ—Станислава 2-й ст.; генералъ Гинцъ—Анны 1-й ст., и много другихъ польскихъ чиновъ награждены орденами. Русскимъ, изъ свиты государя, дано много лентъ; но намъ свиты цесаревича ничего не дали.

13-го мая. День былъ сѣрежый, но теплый и дождя не было; утромъ былъ разводъ на Саксонской площади, въ присутствіи государя; вечеромъ—*bal paré* во дворцѣ,—сѣзжались въ 8<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часамъ, мужчины въ чулкахъ и башмакахъ, дамы—въ длинныхъ платьяхъ, со шлейфами; собрались всѣ въ мраморной залѣ, а въ 9 часовъ вышла императрица съ наслѣдникомъ и великими князьями, съ нею была и княгиня Ловичъ; государь не былъ на балѣ, по случаю простуды. Начался полонезъ: императрица пошла съ великимъ княземъ Константиномъ, и танцевала потомъ, по старшинству, съ 19-ю особами. Балъ кончился въ 10<sup>3</sup>/<sub>4</sub> часа; иллюминація въ городѣ не удалась по случаю дождя.

14-го мая. Утромъ былъ я у великаго князя, который мнѣ объявилъ, что я получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., и велѣлъ мнѣ тотчасъ надѣть звѣзду. Государь у развода не былъ. Вечеромъ была иллюминація въ городѣ и въ Саксонскомъ саду большес гулянье; погода прекрасная.

15-го мая. Государь все еще не выходитъ и не былъ у развода. Въ 12 часовъ всѣ чины сѣзжались, въ полной парадной формѣ, во дворецъ и приносили поздравленіе ихъ величества; у императрицы былъ *baise-main*.

16-го мая. Послѣ развода собралась вся свита у костела св. Александра и верхами ожидали мы приѣзда государя, который пріѣхалъ въ 12<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ. Сего числа былъ народный праздникъ на площади: противъ Уѣздовскаго госпиталя, были накрыты столы на 10,000 человекъ и приготовлены разныя увеселенія и представленія; кругомъ устроены были эстрады для публики,

а по серединѣ шатеръ для царской фамиліи, свиты и иностранныхъ особъ. Въ часъ прибылъ государь и поѣхалъ верхомъ за коляской императрицы, сопровождаемой всею свитою. Мы проѣхали по аллеямъ вплоть до мѣста, гдѣ царская фамилія вошла въ шатеръ и по 3-й ракетѣ начался пиръ. Все обошлось безъ шума и продолжалось не долго; народу было со зрителями до 50,000; видъ былъ неподобный и день весьма благопріятствовалъ. Великіе князья со свитою оставались верхами; государь подъ конецъ сѣлъ на лошадь и объѣхалъ всѣ столы при громкихъ крикахъ ура; только что успѣли подать императрицѣ коляску, какъ пошелъ сильный дождь и всѣ стали, въ торопяхъ, разѣзжаться; я насилу нашелъ свою коляску и поѣхалъ на Вержбу обѣдать, а вечеромъ, возвращаясь въ городъ, встрѣчалъ въ аллеяхъ еще множество гуляющаго народа. Въ 7 часовъ вечера я, въ чулкахъ и башмакахъ, поѣхалъ на балъ въ ратушу. Ихъ величества пріѣхали туда въ 9 часовъ, вмѣстѣ съ великими князьями и княгинею Ловичъ, и много танцовали. Ужинъ былъ на 900 человекъ; вообще балъ прекрасно удался и кончился въ 12-ть часовъ.

17-го мая. Сегодня, за разводомъ, представлялись государю всѣ русскіе и польскіе военные, получившіе награды, и благодарилъ его величество. Великій князь представлялъ каждого поименно.

Вечеромъ сенать и послы отъ народа давали балъ на биржѣ; великолѣпно убрана была зала и балъ былъ прекрасный; приглашенныхъ было болѣе 1,500 человекъ. Императрица танцевала мазурку послѣ польскаго; въ 12 часовъ былъ ужинъ наверху, на 1,000 особъ. Домъ министерства финансовъ и биржа были великолѣпно иллюминированы; противъ дома былъ поставленъobeliskъ, съ высокимъ транспораномъ; музыка на площадѣ играла весь вечеръ для народа, котораго собралось множество.

18-го мая. Утромъ присутствовалъ я, въ свитѣ, на ученіи гвардейско-кавалерійской дивизіи, на Мокотовскомъ полѣ; государь дѣлалъ смотръ и ученіе, и остался доволенъ войсками; вечеромъ былъ балъ у графа Замойскаго на 500 человекъ, на которомъ была вся царская фамилія и много танцовали. Государь и великій князь были въ уланскихъ мундирахъ и оставались до 2-хъ часовъ.

19-го мая, въ воскресенье, прїѣхалъ въ Варшаву прусскій принцъ Вильгельмъ и былъ сегодня у развода съ государемъ. Императрица была въ квартирѣ у графа Куруты, и посѣтила потомъ княгиню Ловичъ. Въ 12 часовъ поѣхалъ я въ замокъ въ обѣдни; былъ выходъ парадный во дворцѣ, а въ 3 часа—парадный обѣдъ во дворцѣ на 400 человекъ, на которомъ были всѣ высшія особы—военныя, гражданскія и духовныя, чужестранные посланники и агенты, и дамы; вечеромъ вся царская фамилія поѣхала въ театръ; давали польскую новую оперу, на сей случай сочиненную.

20-го мая. Послѣ развода государь съ принцемъ Вильгельмомъ были у княгини Ловичъ; я въ три часа поѣхалъ на обѣдъ къ Н. Н. Новосильцеву—у него человекъ 70 обѣдало, а въ 7 часовъ, въ чулкахъ и башмакахъ, поѣхалъ на балъ во дворецъ; государь съ императрицей вышли въ 9 часовъ въ залу; императрица много танцевала—и притомъ всѣ танцы. Государь былъ очень веселъ; раза три ко мнѣ подходилъ, и со мною разговаривалъ весьма милостиво; ужинъ былъ на 500 человекъ. Государь и царская фамилія удалились въ 2 часа.

21-го мая. Я ѣздилъ поздравлять, съ утра, великаго князя Михаила Павловича съ именинницей, а нашъ князь не принималъ никого. Былъ разводъ. Государь заходилъ снова съ принцемъ въ княгинѣ; выходъ во дворецъ отказанъ. Въ 3 часа поѣхалъ я на большой обѣдъ къ президенту Соболевскому; всѣ мы были въ лентахъ и полной формѣ. Императрица, послѣ обѣдни, изволила выѣхать изъ Варшавы въ Берлинъ съ принцемъ Вильгельмомъ; государь и великій князь Михаилъ обѣдали у нашего великаго князя.

22-го мая 1829 г. Государь императоръ выѣхалъ изъ Варшавы, въ 12 часовъ, для свиданія съ королемъ прусскимъ за Калишемъ; съ нимъ отправились графъ Бенкендорфъ и графъ Орловъ. Вечеромъ я былъ въ концертѣ Паганини и былъ истинно пораженъ его громаднымъ талантомъ. Что онъ со скрипкой выдѣлывалъ—невѣроятно.

На этомъ мѣстѣ я прекращаю выдержки изъ дневника моего отца и обращаюсь къ изложенію дальнѣйшихъ событій: вѣстину и дня возстанія въ Варшавѣ, въ злополучный день 30 ноября 1830 г.

## ВОСПОМИНАНІЯ КОЛЗАКОВА.

1815—1831.

### VI<sup>1)</sup>.

#### Передъ взрывомъ.

Въ эпоху коронаціи императора Николая Павловича въ Варшавѣ, въ 1829 г., мои родители и я жили на Краковскомъ предмѣстѣи—одной изъ главныхъ улицъ Варшавы, въ казенномъ домѣ, противъ Визитокъ (*église des Visitandines*). Домъ этотъ, существующій и понынѣ, былъ каменный, двухъ-этажный, съ двумя флигелями, изъ коихъ одинъ выходилъ на Саксонскую площадь. На противоположной сторонѣ былъ домъ частный, что нынѣ передѣланъ въ громадную Европейскую гостинницу. Это мѣсто считается почти однимъ изъ лучшихъ въ Варшавѣ, по близости къ Бриловскому дворцу и къ Саксонскому саду. Семейство наше занимало всю середину дома, а во флигеляхъ жили: въ одномъ—жандармскій полковникъ Минтеръ, а въ другомъ, что выходилъ на площадь,—польской службы генералъ Салацкій, человекъ пожилыхъ лѣтъ, служившій по инженерной части, весьма почтенный и добрый, съ семействомъ котораго родители мои очень сошлись. Старушка жена его, такая же простодушная и добрая, какъ и онъ самъ, была вовсе не свѣтская барыня и нигуда почти не выѣзжала, занимаясь исключительно домашнимъ хозяйствомъ; но главнымъ украшеніемъ ихъ семьи была дочь ихъ Юлія, уже взрослая, въ то время, дѣвица.

<sup>1)</sup> Гл. I—V см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 423—455.  
„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. VII, 1873 г. май.

Лѣтомъ жилали мы, по обыкновенію, на дачѣ, принадлежавшей вотьмѣ моей матери, старику Миттону. Это было прекрасное имѣніе, въ 3-хъ верстахъ отъ Мокотовской заставы, за городомъ, подъ названіемъ Виржба (что значитъ Верба).

Въ описываемую мною эпоху, т. е. въ 1829 и 1830 гг., матушка моя страдала сильнымъ разстройствомъ нервовъ, и безпрестанныя кровопусканія, къ которымъ при всякомъ случаѣ прибѣгали тогдашніе доктора, потрясли совершенно ея организмъ и обезсилили ее до крайности. Вслѣдствіе разстройства ея здоровья, образъ жизни родителей моихъ, въ ту эпоху, долженъ былъ измѣниться: гости бывали уже у насъ рѣже, матушка должна была отказаться отъ визитовъ и выѣздовъ на вечера и ограничивалась небольшимъ кругомъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Для поправленія же ея здоровья, мы всею семьєю ѣздили, въ 1829 году, за границу. Не безынтересно здѣсь упомянуть, что путь отъ Варшавы до Парижа сдѣлали мы на собственныхъ своихъ лошадяхъ, въ четверомѣстной каретѣ, запряженной четвернею въ рядъ, по-русски; нашъ крѣпостной кучеръ Савелій,—красивый паренъ, съ окладистою бородою, въ русскомъ армякѣ и шапкѣ,—довезъ насъ благополучно черезъ всю Германію до самой столицы Франціи. Нынѣшнему молодому поколѣнію, привыкшему къ желѣзнымъ дорогамъ, это можетъ показаться невѣроятнымъ, но въ тогдашнее время это дѣлалось, впрочемъ, не часто, такъ какъ для скорости все-таки предпочитали ѣздить на почтовыхъ; но матушка моя была больна и должна была каждую ночь отдыхать,—поэтому и предпочли мы взять своихъ лошадей и ѣхали, что называется à petites journées, т. е. только днемъ, а на ночь останавливались, гдѣ придется: въ городахъ, мѣстечкахъ или даже на самой дорогѣ, на постоянныхъ дворахъ, которыхъ за границей такъ много бывало на главныхъ шоссе-ныхъ дорогахъ; пока мы отдыхаемъ, навормятъ лошадей, дадутъ и имъ отдохнуть, а на слѣдующее утро путешествіе продолжается. Признаюсь откровенно, что хотя я и самъ совершилъ этотъ вояжъ вмѣстѣ съ матушкой, но до сихъ поръ удивляюсь, какъ мы не сбились съ дороги. Помню очень хорошо, что когда мы въѣзжали въ Парижъ съ этой упряжкой, еще невиданною въ томъ краю, за нами по бульварамъ слѣдила густая толпа любопытныхъ, въ особенности кучеръ нашъ казался имъ очень оригинальнымъ. Въ то время

ни одинъ французъ не носилъ бороды, кромѣ взвода гвардейскихъ *carreaux rompiers*; вся Западная Европа брилась, ношеніе бороды считалось какимъ-то дикимъ варварствомъ; одни русскіе священники да русскіе мужики были съ бородами и то только въ Россіи; за границей же наши священники принуждены были брить бороды и одѣваться въ свѣтскую одежду; за эти же самыя бороды получили мы отъ нашихъ сосѣдей-поляковъ прозваніе *кацаповъ*, (бородачей). Русскія борода и упряжь лошадей были причиною того, что когда мы свернули съ бульваровъ въ улицу Риншелье и остановились въ отелѣ *des Colonies*, то какой-то чудакъ англичанинъ, сопровождавшій верхомъ нашу карету, обратился, тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ въ гостинницу, съ вопросомъ: откуда мы пріѣхали въ такомъ экипажѣ? Узнавъ, что мы изъ Россіи, онъ предложилъ баснословную цѣну за нашихъ лошадей; онъ хотѣлъ и вучера нашего нанять, но мы продали только одну четверку, и, пробывъ всю зиму въ Парижѣ, возвратились уже на почтовыхъ лошадяхъ.

Изъ числа короткихъ знакомыхъ, посѣщавшихъ, въ концѣ 1830 г., мою матушку, кромѣ Салацкихъ, была еще г-жа Навваска, французенка, замужемъ за полякомъ. У нихъ было богатое помѣстье въ Польшѣ, гдѣ проводили они большую часть года и пріѣзжали въ Варшаву только на зиму, на нѣсколько мѣсяцевъ. Г-жа Навваска была, сколько припомню, прекрасная брюнетка; у ней была одна только дочь Леони, въ то время 6-ти лѣтъ, настоящій херувимъ. Какъ соотечественница, подружилась она съ моею матушкой и посѣщала ее очень часто, въ особенности въ послѣднее время.

Отецъ мой, въ противоположность моей матери, велъ, какъ и всегда, жизнь самую разнообразную и подвижную. Проводилъ все утро на службѣ,—почти всякій день бывалъ у великаго князя, присутствовалъ въ различныхъ коммиссіяхъ, заведывалъ отдѣленіемъ кантонистовъ русскихъ и польскихъ, а также гребною канонирскою флотиліею, устроенною имъ на рѣкѣ Вислѣ еще въ 1817 году. Въ свободное отъ службы время, дѣлалъ онъ визиты для поддержанія знакомства съ русскими и польскими домами, кружокъ котораго, съ теченіемъ времени, значительно увеличился. Въ такомъ городѣ, какъ Варшава, въ особенности въ то время, не возможно было жить замкнуто. Онъ, впрочемъ, самъ любилъ общество. былъ хлѣбосоломъ и любилъ выѣзжать; при-

глашенія со всѣхъ сторонъ сыпались, и нерѣдко случалось ему съ званнаго обѣда поѣхать на два или на три вечера, гдѣ находился онъ постоянно свою партію виста; но чаще всего посѣщалъ онъ семейства И. Д. Данилова и графа Моріоля,—оба жили по близости, въ Бриловскомъ дворцѣ<sup>1)</sup>.

Родители мои занимали весь верхній этажъ съ маленькимъ братомъ моимъ, которому было тогда 6 лѣтъ; а внизу были еще три комнаты, гдѣ я жилъ съ меньшимъ братомъ моей матери, Александромъ Миттономъ, который былъ только 9-ю мѣсяцами старше меня и воспитывался со мною вмѣстѣ. При насъ находился четвертый уже гувернеръ, французъ Песъръ.

Я помню, между прочемъ, что не задолго до революціи, отецъ мой привелъ ко мнѣ однажды мальчика, лѣтъ 13-ти, по имени Циволка. Это былъ сынъ машиниста при варшавскомъ театрѣ. Отецъ его (чехъ по происхожденію) прибѣгнувъ къ покровительству моего отца и ходатайствовалъ объ опредѣленіи сына своего въ какое-нибудь казенное заведеніе, преимущественно въ Морской или Штурманскій корпусъ, потому что мальчикъ этотъ, съ раннихъ лѣтъ, оказывалъ большую склонность къ морской службѣ и самоучкою сдѣлалъ нѣсколько моделей лодокъ и корабликовъ. Онъ сталъ ходить къ намъ часто и, не смотря на свою невзрачную наружность, приобрѣлъ вскорѣ мою дружбу, потому что помогъ мнѣ построить маленький механическій театръ, въ которомъ мы давали представленія по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Я упомянулъ здѣсь о Циволкѣ потому, что онъ впоследствии сдѣлался извѣстнымъ мореплавателемъ, и имя его славно въ исторіи нашего флота открытіемъ новыхъ острововъ<sup>2)</sup>.

Наступилъ ноябрь мѣсяцъ 1830 года. Жизнь въ Варшавѣ начинала входить въ свой обычный круговоротъ, и хотя еще баловъ большихъ не было, но собирались на званные обѣды и вечеринки съ танцами, посѣщали театры; тогда, какъ теперь помню,

<sup>1)</sup> Графъ Моріоль и Фавинскій состояли при П. К. Александровѣ, въ качествѣ вставниковъ. И. Д. Даниловъ служилъ въ собственной канцеляріи его высочества и впоследствии былъ сенаторомъ. Е. Е.

<sup>2)</sup> Онъ дѣлалъ экспедиціи, въ 1834 и 1835 годахъ, помощникомъ Пахтусова, на Новую Землю; въ 1837 г. поѣхалъ туда же академикъ Бера, а въ 1848 и 1839 гг. самъ былъ начальникомъ экспедиціи на Новую Землю и тамъ погребъ во льдахъ. Е. Е.

ставили на Большомъ театрѣ новую оперу «Нѣмая изъ Портичи» (Фенелла); отецъ мой бывалъ на репетиціи ея съ генераломъ Дьяковымъ и любовались они прекрасными декораціями, писанными извѣстнымъ тогда декораторомъ Стакетти. О революціонныхъ движеніяхъ хотя и говорили въ обществѣ, но уже это было не ново и такъ часто повторялось, что не обращали большого вниманія на всѣ эти демонстраціи; ко всему можно привыкнуть; притомъ обычное польское общество было по прежнему внимательно и всячески старалось усноковывать умы русскихъ на счетъ какой-либо возможности возстанія въ Варшавѣ.

Возникали, однако, и демонстраціи. Президентъ города, Войда, былъ какъ-то на одномъ изъ разводовъ прибитъ палкою какимъ-то неизвѣстнымъ статскимъ, успѣвшимъ скрыться въ толгѣ; и вскорѣ послѣ того продавались въ Варшавѣ повсюду трости и палки подъ названіемъ Войдувки. Появлялись плакаты, наклеенные на углахъ домовъ, съ извѣщеніемъ о предстоящей революціи въ Варшавѣ; а на стѣнѣ Бриловскаго дворца нашли даже надпись, что этотъ домъ скоро будетъ отдаваться въ наймы. Все это почиталось шалостями, такъ что не обращали на это большого вниманія. Полиція молчала, потому что состояла вся изъ поляковъ, а главный начальникъ ея, генералъ Жапдръ, хотя и былъ прекрасный человекъ, но нисколько непригодный къ этому дѣлу: проводилъ все утро на службѣ при великомъ князѣ, присутствовалъ съ нимъ на разводахъ, почти ежедневно дававшихся, а остальное время проводилъ онъ въ гостяхъ.

Такъ шло до 17-го (29) ноября 1830 г.

Матушка моя, едва оправившаяся послѣ долгой, томительной болѣзни, была еще очень слаба и не выѣзжала ни куда. 16 (28) ноября отецъ мой былъ на большомъ званномъ обѣдѣ у адъютанта великаго князя Михаила Павловича, полковника Нащокина; въ этому Нащокину за нѣсколько времени до революціи, приходилъ бывшій адъютантъ великаго князя Константина Павловича, Китскій, бывшій уже въ отставкѣ, и сказалъ Нащокину, чтобы онъ предупредилъ великаго князя, что его жизнь въ опасности, что его хотятъ убить, прося при этомъ не говорить отъ кого онъ объ этомъ слышалъ. Нащокинъ сообщилъ это генералу Курутѣ для передачи великому князю. Курута исполнилъ это, сказавъ великому князю, что Нащокинъ связанъ честнымъ

словомъ не говорить отъ кого онъ знаетъ объ этомъ намѣреніи. Великій князь послалъ за Нащокинымъ, и пока послѣдній дожидался приѣма, великій князь послалъ фельдъегеря въ замокъ, на квартиру Нащокина, узнать, кто у него былъ наканунѣ; когда же при спросѣ Нащокина получилъ отвѣтъ, что онъ не можетъ назвать говорившаго ему, великій князь отвѣчалъ:

— «Тебѣ сказалъ это Китскій; такъ знай, что если имъ не удалось меня убить въ 1815 году, то теперь и подавно не удастся».

16-го (28) ноября у Нащокина собрались почти всѣ русскіе генералы, бывшіе тогда въ Варшавѣ, и кто-то изъ гостей рассказывалъ, что великій князь получилъ письмо отъ государя, предостерегающее его о долженствующей вспыхнуть, 17-го или 18-го ноября, революціи въ Варшавѣ, прося его принять всѣ мѣры осторожности, усилить караулы и надзоръ полиціи къ этому дню; но великій князь такъ былъ увѣренъ въ своемъ любимомъ 4-мъ полку, который долженъ былъ занять караулы въ этотъ день, что пренебрегъ всѣми совѣтами и не прибавилъ ни одного лишняго часоваго къ немногимъ инвалидамъ, стоявшимъ на стражѣ у Бриловскаго дворца и въ Бельведерѣ.

Утромъ 17-го ноября былъ ясный день и не большой морозъ; въ полдень поднялся вѣтеръ съ юга, нагналъ тучи и начало таять. Отецъ мой съ утра пошелъ къ великому князю, въ Бриловскій дворецъ; разводъ былъ отказанъ. Его высочество принималъ, по обыкновенію, у себя въ залѣ вѣстовыхъ отъ гвардейскихъ полковъ. Когда кончилась эта церемонія, отецъ мой поѣхалъ вмѣстѣ съ генераломъ Курутой въ Лазенки, въ казармы кантонистовъ русскихъ и польскихъ; осмотрѣвъ ихъ, нашли все въ порядкѣ, и возвратились въ городъ; затѣмъ отецъ съѣздилъ еще съ визитами въ нѣсколько домовъ. Въ 2½ часа вернулся домой и нашелъ у матери моей г-жу Накваску съ дочерью и старушку графиню Оберскую, пріѣхавшихъ къ намъ на обѣдъ; самъ же онъ переодѣлся въ сюртукъ и поѣхалъ на званый обѣдъ къ генералу Маркову, командиру уланскаго его величества полка. Тамъ нашелъ онъ, въ числѣ гостей, генераловъ Куруту, Жандра, командира литовскаго полка Ангельмана, Есакова (командира волынскаго полка), Кривцова, флигель-адъютанта Бутурлина, полковника Нащокина и младшаго брата Маркова, офицера уланскаго полка.

Генералъ Жандръ прїѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ и привелъ съ собою 12 человѣкъ музыкантовъ-богемцевъ, которыхъ онъ, того же утра, представлялъ великому князю; богемцы за обѣдомъ стали играть какую-то заунывную мелодію. Жандръ, противъ своего обыкновенія, былъ что-то грустенъ съ самаго начала обѣда; было-ли это предчувствіе, но замѣтно было, что ему музыка не нравилась; наконецъ, не вытерпѣвъ, обратился онъ къ хозяину: «ну ихъ къ чорту! заплати имъ, Марковъ, 15 рублей и отправь домой», сказалъ онъ, что и было исполнено.

Послѣ обѣда Жандръ хотѣлъ играть въ карты; но такъ какъ карты въ домѣ не оказалось, и пока за ними посылали, онъ раздумалъ играть, сказавъ, что у него голова болитъ и что онъ хочетъ ѣхать домой отдохнуть, потому что послѣ долженъ еще заѣхать къ великому князю въ Бельведеръ, по дѣламъ, а оттуда уже прїѣдетъ опять къ нему, Маркову, прибавивъ: «надо намъ снова начать наши посидѣлки»<sup>1)</sup>. Жандру донесли, что еще три офицера оказались замѣшанными въ бунтъ, и что-то кроется не доброе. Отецъ мой игралъ въ это время съ Курutoй на бильярдѣ въ другой комнатѣ; но, по окончаніи партіи, такъ какъ лампы что-то дурно горѣли, перестали они играть и, вмѣстѣ съ другими гостями, простились съ хозяиномъ и разѣхались—кто домой, а кто въ театръ; самъ же генералъ Марковъ отправился къ знакомому смотрителю дворцовъ Бончакевичу, проживавшему противъ Уздовскаго госпиталя<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Когда начали появляться, еще въ началѣ 1830 г., безъименныя записки съ предсказаніями о революціи на такое-то число, то многіе русскіе генералы рѣшились собираться по вечерамъ у Маркова, какъ ближайшаго полковаго командира къ Бельведеру, и просиживали у него, по обыкновенію, часовъ до 4-хъ и 5-ти утра, чтобы быть наготовѣ, выѣхать вмѣстѣ, въ случаѣ тревоги; полки также имѣли приказаніе быть готовыми. Эти собранія назывались посидѣлками; сначала они чисто повторялись; но подъ конецъ, когда замѣтили, что предсказанія о возстаніи не сбываются, то и посидѣлки стали рѣже повторяться.

К. К.

<sup>2)</sup> За чайнымъ столомъ дочь хозяина пришла сказать ему, что она слышитъ пальбу. Тогда Марковъ, выйдя изъ дома и слыша выстрѣлы, отправился прямо къ своимъ казармамъ, гдѣ нашелъ уже полкъ готовымъ. Въ его полку было около 30 человѣкъ убитыми и ранеными и много лошадей раненыхъ въ 3-мъ эскадронѣ, которымъ командовалъ князь Воронежскій. Этотъ эскадронъ былъ на очереди. Въ остальныхъ эскадронахъ успѣли запереть конюшни и не впустить подпрапорщиковъ; при этомъ унтеръ-офицеръ Субботкинъ тупой саблей отрубилъ руку одному подпрапорщику, который хотѣлъ поджечь конюшню.

(Разсказъ И. В. Маркова).

По выходѣ отъ Маркова, отецъ мой отправился домой, гдѣ нашелъ г-жу Накваску, сидѣвшую съ моей матерью въ гостиной. Старушка графиня Оборская уѣхала домой, а меньшей братъ мой съ маленькой Леопи играли въ другой комнатѣ. Было восемь часовъ вечера. Отецъ мой объявилъ дамамъ, что онъ пойдетъ докончить вечеръ къ Данилову, гдѣ его ждетъ партія въ вистъ; и, простившись съ ними, отправился пѣшкомъ чрезъ пустынную и слабо-освѣщенную Саксонскую площадь къ Бриловскому дворцу, во флигелѣ котораго жилъ Даниловъ. Тамъ нашелъ онъ много гостей, въ числѣ коихъ были два полковныя командиры—Энгельманъ и Есаковъ, пріѣхавшіе прямо отъ Маркова.

— «Добро пожаловать, Павелъ Андреевичъ, мы васъ давно ждемъ», привѣтствовала его толстая хозяйка, носившая постоянно на головѣ шолковую повязку, какъ наши попадьи и прежнія купчихи; и, подавъ ему карту, посадила за игру съ двумя полковыми командирами, а сама сѣла четвертою съ ними играть въ вистъ.

## VII.

Ночь на  $\frac{18\text{-е января}}{30\text{-е ноября}}$  1830 г.

Пока русскіе генералы такъ спокойно и безопасно проводили время за картами, никто изъ присутствовавшихъ, вѣроятно, не думалъ о томъ, что участь Польши была уже рѣшена, что близокъ былъ роковой часъ, и что, въ ту самую минуту, горсть отчаянныхъ заговорщиковъ пробиралась по темнымъ улицамъ Варшавы къ осуществленію кровавой драмы. Стали подавать чай; не успѣли генералы сыграть второй роберъ, какъ вошелъ человѣкъ и вызвалъ отца моего въ переднюю. Здѣсь нашелъ онъ посланнаго отъ моей матери, вѣрнопостнаго нашего человѣка Алексѣя. Блѣдный, дрожа отъ страха и весь запыхавшись, проговорилъ Алексѣй: «Анна Петровна приказала васъ просить скорѣй домой, въ Варшавѣ ле—во....руція!!..» Онъ такъ заикался и не связно говорилъ, что отецъ мой долженъ былъ его заставить повторить сказанное, и, возвратясь въ залу, объявилъ о томъ хозяину и гостямъ. «Полноте насъ пугать», сказала хозяйка, подходя къ отцу и видя общую суматоху, произведенную его словами. Алексѣя, между тѣмъ, окружили въ передней и стали его разспра-

нивать, гдѣ и какъ онъ о томъ узналъ? Все пришло въ страшное замѣшательство: столѣ; карты были брошены, гости стали расходиться,—иные подбѣгали къ окнамъ, желая что-нибудь разглядѣть, но на дворѣ было темно. Дамы подняли визгъ, громче всѣмъ слышались возгласы хозяевъ:

— «Ахти, батюшени! да я ни за что не останусь здѣсь,—насъ тутъ первыми убьютъ».

Всѣ столпились въ передней и разбирали свои вещи; всѣ суетились. Отецъ мой не безъ труда отыскалъ свою шинель, въ этой суматохѣ, и вышелъ вмѣстѣ съ Энгельманомъ и Есаковымъ, которые сѣли въ свои коляски<sup>1)</sup>, а онъ поспѣшилъ съ Алексѣемъ пѣшкомъ домой, снова черезъ Саксонскую площадь. Все было тихо; на площади никакого особеннаго движенія не было замѣтно; рѣдкіе прохожіе безмолвно пробирались въ темнотѣ, обходя лужи. Проходя мимо гауптвахты, отецъ услышалъ окликъ часового, отъ стоявшаго тогда въ караулѣ одного баталіона 4-го пѣхотнаго полка; ничего особеннаго не было замѣтно на улицахъ, исключая отдаленнаго зарева отъ пожара; но такъ какъ пожары нерѣдко случались въ Варшавѣ, то отецъ мой не обратилъ на это особеннаго вниманія и съ довольно спокойнымъ духомъ дошелъ благополучно до дому. Входитъ онъ въ столовую и видитъ: на столѣ стоятъ еще самоваръ и чашки, но никого въ домѣ нѣтъ. Онъ послалъ Алексѣя отыскать кого-нибудь изъ людей, а самъ сталъ обходить всѣ комнаты. Домъ былъ пустъ. Въ спальнѣ шкафъ былъ раскрытъ, нѣкоторыя вещи валялись на полу; кроватка меньшаго сына раскидана. Въ дѣвичьей также никого не было, горничная и слуги—все исчезло. Въ недоумѣніи и безпокойствѣ хотѣлъ онъ идти внизъ, какъ натенулся на лѣстницѣ на одного изъ своихъ казаковъ-вѣстовыхъ, котораго Алексѣй, наконецъ, отыскалъ. — «Гдѣ жена и дѣтъ? гдѣ всѣ люди?» спросилъ онъ въ торопяхъ у казака.

— «Анна Петровна изволила уѣхать съ другой барыней и дѣтьми въ каретѣ».

— «Куда?»

— «Не могу знать! Карета повернула отъ воротъ на право, по Краковскому предмѣстью».

<sup>1)</sup> Генералы Есаковъ и Энгельманъ, на дорогѣ отъ Данилова къ своимъ казармамъ, наткнувшись на заговорщиковъ и были взяты ими въ плѣнъ, причемъ кучеръ генерала Есакова былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета. Е. Е.

Не зная еще, на что рѣшиться, отецъ приказалъ казаку осѣдлать тотчасъ верховыхъ лошадей и быть на-готовѣ съ ними ѣхать, а самъ сошелъ внизъ въ наши комнаты. М-г Рескеи, гувернеръ, былъ дома и глядѣлъ на улицу, высунувшись въ форточку. Онъ разсказалъ отцу моему, что, вскорѣ послѣ его ухода, пріѣхалъ къ намъ въ домъ флигель-адъютантъ А. П. Бутурлинъ; и узнавъ, что отца моего дома нѣтъ, побѣжалъ на верхъ и просилъ мою матушку тотчасъ за нимъ послать, что-де въ Варшавѣ вспыхнула революція и что онъ совѣтуетъ ей самой не оставаться въ этомъ домѣ, а вмѣстѣ съ дѣтьми искать гдѣ-нибудь убѣжища у знакомыхъ изъ поляковъ. Сказавъ это, онъ поспѣшно ихъ оставилъ. Перепуганная до-нельзя, матушка моя тотчасъ послала за отцомъ, а между тѣмъ, велѣла подавать карету; въ торопяхъ заложили двумѣстную. Г-жа Навваска уговорила мою мать ѣхать къ ней въ домъ; обѣ матери бросились укутывать своихъ дѣтей, на-скоро одѣли ихъ и сошли внизъ, влеча за собою малютокъ и торопя людей, дабы подавали экипажъ. Намъ, старшимъ, велѣла матушка скорѣе надѣть шинели и шапки,— все это было исполнено въ нѣсколько минутъ, и, сѣвъ всѣ шестеро въ двумѣстную карету, помчались мы вдоль по Краковскому предмѣстью на Новый свѣтъ. Эта улица служитъ продолженіемъ Краковского предмѣстья; начиная отъ площади Коперника, противъ статуи котораго высится высокая колокольня церкви св. Креста, улица эта тянется до Александровской площади, откуда уже идутъ густыя липовыя аллеи по направленію къ Бельведеру и къ Мокотовской заставѣ.

Считая извѣстіе о революціи слишкомъ преувеличеннымъ и полагая, что это, быть можетъ, былъ гдѣ-нибудь случайный безпорядокъ, который въ скоромъ времени долженъ быть прекращенъ полицейскими мѣрами, отецъ мой все еще былъ довольно спокоенъ духомъ и, пославъ узнать готова-ли его лошадь, самъ, между тѣмъ, высунулся въ открытую форточку въ нижнемъ этажѣ, дабы прислушаться къ говору проходящихъ. Ночь была темная и холодная; накрапывалъ дождь съ изморозью. Прохожіе быстро пробирались по мокрымъ тротуарамъ, иные бѣгомъ,—и слышенъ былъ несвязный говоръ, котораго разобрать было не возможно. Нѣсколько дрожжъ, дребезжа по неровной мостовой, проѣхали мимо; про-

сказалъ какою-то всадникъ, котораго въ темнотѣ отецъ отличить не могъ,—все предвѣщало какое-то волненіе.

Пежёръ, между тѣмъ, рассказывалъ, что онъ съ дѣтьми сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ. Въ то время, какъ дѣти занимались картонажемъ,—говорилъ это онъ про насъ; и дѣйствительно, я помню, что еще въ 8-мъ часу я послалъ человѣка въ лавку за цвѣтной бумагой. Человѣкъ, возвратившись, сказалъ, что лавки уже были заперты и что на улицѣ попались ему два всадника, проскакавшіе быстро мимо его; одинъ изъ нихъ имѣлъ обнаженную саблю въ рукахъ и кричалъ: «Polase do bronі!» (поляки къ оружію). Онъ принялъ ихъ за пьяныхъ; вскорѣ послѣ сего, услышали мы на лѣстницѣ крики г-жи Накваски и вбѣжала къ намъ въ комнату мать моя съ этою дамой, какъ уже сказано выше.

Между тѣмъ, отцу пришло связать, что лошадь его готова. Онъ еще разъ отправился на верхъ въ свой кабинетъ, взялъ съ собою денегъ на всякій случай,—велѣлъ человѣку своему созвать всѣхъ людей и не отходить отъ дома, успокоилъ его, сказавъ, что никакой революціи нѣтъ, что все придетъ въ порядокъ, что мы всѣ скоро вернемся домой; тоже самое повторилъ онъ и губернѣру, прося его смотрѣть за людьми,—и, выйдя на крыльцо, готовъ уже былъ садиться на лошадь, какъ посланный отъ генерала Салацкаго слуга вошелъ и объявилъ ему, что Анна Петровна у нихъ и проситъ его тотчасъ къ ней прійти. Въ одну минуту отецъ былъ у Салацкихъ, гдѣ нашелъ жену свою блѣдную, какъ смерть; г-жа Накваска лежала на диванѣ въ истерическомъ припадкѣ. все семейство Салацкихъ занято было около ней. Матушка моя бросилась къ отцу на встрѣчу и, обнимая его, со слезами сказала: «Благодари Господа, мы какимъ-то чудомъ спаслись отъ смерти». Затѣмъ стала она рассказывать, что съ ними случилось за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ; а такъ какъ я самъ былъ очевидцемъ этому, то передамъ всѣ подробности происшествія. Сѣли мы всѣ шестеро въ двухѣстную карету; ничего не зная, куда насъ везутъ и зачѣмъ, съѣжились мы съ Александромъ Миттономъ кое-какъ у ногъ матери моей и г-жи Накваски, держащихъ на колѣняхъ своихъ меньшихъ дѣтей. Захлопнули дверцы отъ кареты и кучеръ нашъ, въ русскомъ армякѣ и шапкѣ, выѣхалъ изъ воротъ и повернулъ направо къ Новому Свѣту. Подъѣзжая къ площади Коперника

(свѣнты кпизжской), слышимъ мы приближающіеся неистовые крики и пѣсни буйной толпы, — мы какъ разъ наткнулись на взбунтовавшійся 4-й пѣхотный полкъ, шедшій въ безпорядкѣ и во всю ширину улицы намъ на встрѣчу. Кучеръ нашъ, видя, что тутъ проѣхать нельзя, сталъ поворачивать назадъ; но въ это самое время нѣсколько солдатъ успѣли уже забѣжать впередъ; одинъ изъ нихъ ухватился за дверцы кареты, — мы слышимъ кричать намъ: «стуй, москале! кто ѣздѣ? стуй!» По счастью, дверцы туго отворялись и карета вся была въ движеніи, на поворотѣ. Пьяный солдатъ, ухватившійся за ручку, былъ увлеченъ движеніемъ, споткнулся и упалъ подъ колесо; карета помчалась быстро въ обратный путь. Мы слышимъ неистовые крики упавшаго; раздался залпъ: что-то грохнуло у насъ надъ ушами, — съ трескомъ разлетѣлись стекла, посыпались и покрыли насъ осколками.

Провидѣніе, видимо, насъ охраняло: мы были спасены какимъ-то чудомъ, и никто изъ насъ не былъ раненъ. Попади пуля въ кучера или въ лошадь, карета была бы остановлена и, Богъ знаетъ, что бы произошло съ нами.

Должно полагать, что выстрѣлы были косвенно направлены, потому что пули, пробивъ лѣвое стекло и оба переднія, разбили какъ ихъ въ дребезги, такъ и правый фонарь; благодаря наклоненію головъ, мы были спасены отъ явной смерти. Мчались мы обратно во всю прыть, качаясь съ боку на бокъ по испорченной мостовой; г-жа Накваска во всю дорогу немилосердно кричала, обнимая своего ребенка. Ужасъ охватилъ мою матушку и лишилъ ее возможности выговорить слово, такъ что почти безъ чувствъ ее довели до нашего дома; но кучеръ подвезъ насъ къ подъѣзду Салацкихъ, гдѣ уже насъ, полумертвыхъ отъ страха, вытащили изъ экипажа и провели въ покой.

Разсказъ этотъ сильно встревожилъ отца моего; опоздай нашъ посланный къ нему одной минутой, и отецъ мой неминуемо бы наткнулся на бунтовщиковъ, стало быть, и его спасло Провидѣніе. Понятно, съ какимъ чувствомъ онъ обнялъ жену и дѣтей своихъ и какою сердечною благодарностію была проникнута его краткая, но многозначущая молитва къ Всемилосердому Творцу; минута была трудная, ужасная... Бунтовщики шли со стороны Новаго Свѣта, можетъ быть, и отъ Бельведера: быть можетъ, ве-

ликого князя уже не существовало! — мысли, одна другой мрачней и мрачней, приходили моему отцу на умъ; невѣстность его мучила. Долгъ службы требовалъ немедленно отправиться въ Бельведеръ, — онъ хотѣлъ уже на то рѣшиться и какими-нибудь окольными путями до него добраться; но мать моя, предугадывая его намѣреніе, судорожно уцѣпилась за него и со словами ему говорила: «Нѣтъ, не пущу тебя; ты на явную смерть хочешь идти, пожалѣй ты меня и бѣдныхъ дѣтей твоихъ!» Салацкій и вся семья стали его также уговаривать подождать, пока пройдетъ вся толпа мятежниковъ, и, въ самомъ дѣлѣ, безразсудно было идти ей на встрѣчу. Уже слышались приближающіеся крики неистовыхъ бунтовщиковъ; по временамъ грохотала пальба — вотъ ближе, ближе гулъ до насъ доходить; дамъ и дѣтей угнали въ заднія комнаты, но и савозъ запертыхъ двери доходить до насъ дикіе звуки разъяренной солдатчины. Окна на улицу были всѣ закрыты ставнями, но, чтобы разглядѣть, что происходило снаружи, отецъ мой съ Салацкимъ пошли наверхъ, гдѣ у нихъ былъ родъ чуланчика со слуховымъ окномъ, выходившимъ на улицу; отсюда видна имъ была вся безпорядочная толпа солдатъ, проходившая мимо нашего дома: впереди ѣхалъ верхомъ всендѣзъ, съ обнаженною саблею въ рукѣ, и возбуждалъ народъ къ возстанію; нѣсколько пьяныхъ простоволосыхъ женщинъ шли, обнявшись съ солдатами и чернью, посреди толпы. Все это шло, кричало; послышалось нѣсколько близкихъ выстрѣловъ — весь домъ дрожалъ отъ стука и тошота; на небѣ видѣлось, въ двухъ мѣстахъ, зарево отъ пожаровъ; звукъ набата раздавался въ отдаленіи. Бѣдный Салацкій былъ внѣ себя отъ волненія; онъ принадлежалъ къ партіи благомыслящихъ, — и, хватая себя за голову, возглашалъ: «Безумцы! что это они затѣяли? о бѣдная наша Польша! сколько жертвъ невинныхъ снова падутъ!!...» Около  $\frac{1}{4}$  часа тянулась вся эта толпа мимо оконъ нашего дома, и, повернувъ потожъ на Саксонскую площадь, стала теряться въ отдаленіи; но еще долго вслѣдъ за ней по тротуарамъ замѣтна была толпа бѣгущей черни и зѣвакъ, выходившихъ изъ домовъ. Отецъ мой сошелъ внизъ, взволнованный до крайности, и снова долженъ былъ выдержать упорную борьбу между чувствами долга и привязанности къ семьѣ своей. Прошло еще, такимъ образомъ, 20 минутъ въ нерѣшительности; наконецъ, вырвавшись почти насильно изъ рукъ моей матери,

онъ готовъ былъ сѣсть на лошадей и отправиться, какъ вдругъ новый шумъ на улицѣ привлечъ его вниманіе: то былъ глухой гулъ, какъ бы приближавшейся массы кавалеріи. Отецъ снова съ Салацкимъ отправился на прежнюю обсерваторію, и они увидѣли вимо-егерскій польскій полкъ, скачущій по Крановскому предмѣстью, по направленію къ Новому Свѣту.

1-й эскадронъ, поровнявшись съ нашимъ домомъ, остановился и занялъ всю ширину улицы. Рѣшеніе моего отца было принято: онъ сошелъ внизъ, обнялъ мать мою и насъ, дѣтей своихъ, благословилъ семью и, поручивъ доброму Салацкому, поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Пройдя черезъ дворъ, зашелъ онъ еще въ свою квартиру, досталъ изъ кабинета кое-какія драгоценныя вещи, которыя поручилъ гувернеру отдать моей матери; наконецъ, помолвившись Богу, сошелъ внизъ, сѣлъ у воротъ на лошадей и, въ сопровожденіи казака своего, оставилъ домъ, никакъ не воображая, что онъ разстается съ нимъ въ послѣдній разъ и что не придется ему никогда болѣе въ него возвратиться.

Только что отецъ показался на улицу, его ослизнули конные егеря. Узнавъ по голосу знакомаго ему дивизионнаго командира, подполковника Зеленку, отецъ назвалъ ему.

— «Ага! это вы, пане генерале», сказалъ ему по-польски Зеленка. «Куда вы хотите ѣхать?»

— «Къ великому князю въ Бельведеръ: имѣете-ли вы какое-нибудь извѣстіе о немъ?» спросилъ отецъ.

— «Ничего не знаю; насъ только что вывели изъ казармъ по тревогѣ, и мы здѣсь подождемъ прочіе эскадроны и, вѣроятно, поѣдемъ къ Бельведеру; дождитесь и вы, чтобъ поѣхать съ нами, пане генерале, вѣрнѣй будетъ», сказалъ ему Зеленка.

— «En ami ou ennemi?» спросилъ его по-французски отецъ.

— «Le soldat ne connaît que son devoir. c'est d'obéir à son chef!» былъ отвѣтъ.

— «А гдѣ же вашъ начальникъ, генералъ Кирнатовскій?»

— «Онъ ѣдетъ сюда съ остальными эскадронами».

Такіе неясные отвѣты заставили отца опасаться измѣны и потому онъ предпочелъ ѣхать одинъ, и, простившись съ Зеленой, поскакалъ съ своимъ казакомъ впередъ, по направленію къ Новому Свѣту. На Александровской площади стояла колонна пѣ-

хоты — какая, въ темнотѣ онъ не могъ различить <sup>1)</sup>, и, держась къ сторонѣ тротуаровъ, проскакалъ онъ мимо, ничѣмъ не тревожимый. Отсюда въѣхали они въ тѣнистыя и мрачныя аллеи, тянувшіяся версты полторы до самаго Бельведера; раздалось нѣсколько выстрѣловъ по ихъ направленію, пули проскочили мимо ушей. То были возвращавшіеся отъ Бельведера, послѣ неудачнаго покушенія на жизнь великаго князя, подпрапорщики, которые, завидѣвъ издали скачущаго офицера съ казакомъ, стали въ нихъ стрѣлять. Они все мчались впередъ и, наконецъ, благополучно доскакали до Бельведера. На площадкѣ, передъ дворцомъ, стоялъ эскадронъ Подольскаго кирасирскаго полка, впереди котораго, верхомъ и закутанный въ плащъ, при тускломъ свѣтѣ фонаря, рисовался силуэтъ великаго князя, а за нимъ небольшая группа генераловъ, также верхами.

У главнаго въѣзда рѣшетчатой ограды отецъ мой столкнулся съ остальнымъ эскадрономъ кирасиръ, въѣзжавшимъ, на всемъ скаку и въ большомъ безпорядкѣ, на дворъ Бельведера; солдаты погоняли шпорами и бранью тяжелыхъ лошадей, — спшибаясь въ воротахъ и бряцая палашиами, затрудняли они значительно въѣздъ, такъ что отецъ съ трудомъ и не безъ сильныхъ толчковъ могъ, наконецъ, пробраться во внутрь двора и отыскать великаго князя. Подъѣзжая къ нему, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ:

— «Точно гора у меня съ плечъ свалилась, когда я увидѣлъ великаго князя въ живыхъ и окруженнаго уже нашею свитою и кирасирами» <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> То были Егерскія пѣхотныя роты, остановившіяся на этой площади, гдѣ имъ заговорщики раздавали боевые патроны: тутъ же присоединились къ нимъ и четыре полевыхъ орудія. Генералъ Курнатовскій, проходя мимо ихъ съ своимъ конно-егерскимъ полкомъ, приказалъ этимъ ротамъ идти за собою и такимъ образомъ, противъ воли матежниковъ, охранялъ ими Бельведеръ.

Е. Е.

<sup>2)</sup> Великій князь Константинъ, какъ извѣстно, былъ спасенъ присутствіемъ духа своего камердинера Фризе. Когда партія подпрапорщиковъ, назначенная для нападенія на Бельведеръ, собралась въ рошѣ Лавенотъ, у моста Собіесскаго, гдѣ они должны были выжидать условленнаго сигнала для началія возстанія (сигналъ этотъ долженъ былъ быть поданъ подпрапорщикомъ Тильсскимъ зажженіемъ пивоварни на Солецѣ), тогда предводители шайки, Наблякъ и Гошневскій, раздѣлили присутствовавшихъ на двѣ партіи. Первая и большая, подъ начальствомъ Тржасковскаго, должна была идти на Бельведеръ, ворваться внутрь дворца и убить великаго князя; а другая — должна была стать съ задней стороны дворца въ саду, дабы воспрепятствовать великому князю отступленію,

Отець мой, подѣхавъ къ великому князю, нашелъ при немъ генераловъ: Куруту, Кноринга, Штрандмана, Маркова, Данненберга и нѣкоторыхъ адъютантовъ. Увидѣвъ отца моего, великій князь, какъ-будто выведенный изъ задумчивости, спросилъ его:

— «Гдѣ ты былъ, Колзакъ? я давно жду тебя».

Отець объяснилъ о невозможности выѣхать тотчасъ изъ квар-

въ случаѣ неудачи покушенія. Сигналъ долго не показывался; но, услышавъ выстрѣлы со стороны казармъ уланскихъ, на которыхъ долженъ былъ находиться Высочкій съ главнымъ отрядомъ, предводителя заговорщиковъ рѣшились начать наступленіе. Тржасковскій подходитъ къ воротамъ Бельведера, съ своею партією въ числѣ 14 человекъ: отталкиваютъ стоявшихъ тутъ двухъ нивалдовъ, угрозами заставляютъ ихъ молчать, отпираютъ ворота и врываются во дворецъ съ крикомъ: «смерть тирану!». Войдя въ сѣни, разбиваютъ они висючую люстру, какъ люди, невладеющіе болѣе собою, и устремляются на лѣстницу, въ верхній этажъ.

Великій князь имѣлъ обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, въ своемъ кабинетѣ на диванѣ; въ сосѣдней же комнатѣ были генералъ Жандръ и вице-президентъ Любовицкій, которые ожидали его пробужденія, съ докладами, каждый по своей части. Услышавъ крики и шумъ въ такое время, когда все молчало во дворцѣ, они побѣжали оба къ стеклянной двери, ведущей на лѣстницу, и, увидѣвъ вооруженныхъ водирапорщиковъ, носившихъ назадъ, дабы предупредить великаго князя; но не успѣли они добѣжать до комнаты камердинера, какъ убійцы были уже на ихъ путяхъ. Великій князь, услышавъ шумъ, проснулся, вскочилъ съ дивана, растворилъ дверь къ камердинеру — и, такимъ образомъ, на одну секунду былъ опъ лицомъ къ лицу, въ 5-ти шагахъ, съ своими убійцами. Любовицкій успѣлъ ему только сказать: «Худо, ваше высочество!» и, бывъ пораженъ штыкомъ въ бокъ, свалился какъ снопъ; камердинеръ, бросившись на встрѣчу къ великому князю, втиснулъ его спина въ кабинетъ почти силою и захлопнулъ за собою дверь, заверевъ ее изнутри на задвижку; затѣмъ пошелъ его въ чуланчикъ, подъ крышу, гдѣ и помогъ ему наскоро одѣться. Изступленіе до безумія, убійцы тщетно старались разломать двери; вида безсилія свое, они наносятъ несчастному Любоникому еще 12 ранъ штыками и нападаютъ на двухъ находящихся въ комнатѣ лакеевъ, которыхъ закалываютъ отъ злости; не зная уже, на что рѣшиться, — такъ какъ цѣль ихъ не была достигнута, — убійцы озираются кругомъ и совѣщаются, что предпринять. Въ эту минуту послышались голоса товарищей ихъ внизу: «Сходите князь, онъ убитъ!» Они спѣшатъ по лѣстницѣ внизъ во дворъ, гдѣ, узнавъ отъ товарищей, что великій князь убитъ, предаются бігству съ тою же поспѣшностію, съ какою пришли.

Недоразумѣніе это было по слѣдующему обстоятельству. Генералъ Жандръ, видя судьбу, постигшую президента Любовицкаго, взялъ другое направленіе: оббѣжавъ по другой лѣстницѣ во дворъ, съ намереніемъ позвать людей, онъ побѣжалъ безъ шляпы, въ одномъ сиртукѣ съ эполетами, по двору и былъ настигнутъ заговорщиками, которые, принявъ его за великаго князя, внесли ему нѣсколько ранъ штыками, отъ которыхъ онъ упалъ на кучу песка и умеръ.

Б. К.

теры, мимо которой проходили бунтовщики. Затѣмъ, великій князь прибавилъ:

— «Ступай, отыщи княгиню на ея половинѣ; я тебѣ ее поручаю—вези ее, куда хочешь, но чтобы она была въ безопасности».

Отецъ поспѣшилъ исполнить приказаніе. Онъ нашелъ княгиню Ловичъ въ одной изъ залъ дворца, окруженною нѣсколькими дамами; она была блѣдна, какъ смерть, губы ея дрожали,—вообще на лицѣ ея изображалось сильное волненіе. Онъ передалъ волю его высочества, но княгиня рѣшительно объявила, что ни за что не согласится разстаться съ великимъ княземъ; вида, что всѣ увѣщанія напрасны, отецъ вернулся къ Константину Павловичу и передалъ ему отвѣтъ княгини; при этомъ отецъ предложилъ цесаревичу не оставаться въ Бельведерѣ, гдѣ, по стѣсненной мѣстности, невозможно войскамъ сосредоточиваться, а упраскивалъ его поѣхать на дачу тестя своего, Вержбу, противъ которой, на Мокотовскомъ полѣ, могутъ свободно расположиться войска. Совѣтъ этотъ былъ поддержанъ и другими генералами, такъ что великій князь, послѣ нѣкотораго колебанія, на него согласился и приказалъ начать кавалеріи отступленіе; егерскимъ же ротамъ, съ конно-егерскимъ полкомъ, приказалъ оставаться въ аллеѣ, подъ начальствомъ генерала Данненберга, для прикрытія. Княгиня сѣла въ карету и выѣхала изъ Бельведера вслѣдъ за уланами. Великій князь, со свитою, сопровождали ее верхами; за ними пошли кирасиры.

Мокотовская застава находится въ  $\frac{1}{2}$  верстѣ отъ Бельведера; отсюда тянется, по прямой линіи, мокотовское шоссе, обсаженное, по обѣимъ сторонамъ, деревьями, какъ бы продолженіе аллеи. На лѣвой сторонѣ отъ заставы видѣются еще домики и кое-гдѣ корчмы; на правой же—тянутся огромныя мокотовскія поля; далѣе версты двѣ, налѣво, видна густая масса тополей и другихъ деревьевъ за оградой—это вила Мокотово, принадлежавшая Потоцкимъ; а вслѣдъ за нею, въ разстояніи  $\frac{1}{2}$  версты, находится Вержба.

Подъ прямымъ угломъ отъ шоссе тянется аллея, ведущая къ главному дому: каменное двухъэтажное квадратное зданіе съ балкономъ, подпертымъ четырьмя колоннами. Въ этомъ домѣ жилъ самъ хозяинъ, старикъ Миттонъ. Великій князь не захотѣлъ туда ѣхать, по причинѣ отдаленности дома отъ шоссе, а пред-

почелъ остановиться на малой фермѣ, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ влѣво отъ главнаго вѣзда. Это былъ родъ мазанинъ о трехъ комнатахъ, гдѣ жилъ сыроваръ — французъ Шанель съ семействомъ. Тутъ же былъ свотный дворъ и прочія хозяйственныя строенія <sup>1)</sup>).

Была темная ночь и накрапывалъ дождь, когда подъѣхали въ этому домику карета съ княгинею и великій князь верхомъ со свитою. Въ домикѣ всѣ спали; можно себѣ представить испугъ и изумленіе сыровара, когда на стукъ въ двери — всталъ онъ сонный и полу-одѣтый и, съ ворчаніемъ отпирая дверь, увидѣлъ передъ собою великаго князя съ княгинею, а за ними и отца моего съ другими генералами, входящихъ въ его скромные покои. Въ этомъ-то домикѣ, сдѣлавшемся историческимъ, помѣстился великій князь съ княгинею въ двухъ комнатахъ. Затапили каминъ, поставили самоваръ, и, при свѣтѣ двухъ саленныхъ огаревъ, ихъ высочества отогрѣвались и пили чай. Между тѣмъ, старикъ Миттонъ, предупрежденный заранѣе прискакавшими адъютантами о пріѣздѣ великаго князя, уже суетился въ главномъ домѣ и устраивалъ комнаты для ихъ высочествъ; но тамъ помѣстились только генералы изъ свиты великаго князя, — и туда стали всю ночь подъѣзжать семейства русскихъ служащихъ, успѣвшія выѣхать безпрепятственно изъ Варшавы. Въ каждой комнатѣ расположились дамы съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ и съ домашними. Подъѣзжала карета за каретой; комнаты наполнялись, суматоха была большая: говоръ женскій, крикъ дѣтей, брань прислуги — все слилось въ одинъ общій гулъ. Всѣ располагались, какъ попало: на диванахъ, креслахъ, на полу, — кто какъ могъ; иные, не найдя мѣста, оставались въ экипажахъ. Всю эту ночь былъ слышенъ конскій топотъ, стукъ экипажей, возня прислуги, ржаніе коней; отецъ мой не слѣзалъ съ лошади и ставилъ всюду часовыхъ. Конные патрули разъѣзжали; войска же стали на Mokotowski полѣ бивуаками.

Такъ прошла эта злополучная ночь.

Никто, конечно, не спалъ, — всѣ были въ тревожномъ ожиданіи

<sup>1)</sup> Этотъ Шанель былъ извѣстенъ почти всѣмъ приближеннымъ великаго князя, въ особенности гастрономамъ, — онъ славился отлочною выдѣлкою невѣстельскихъ сыровъ, которые тогда были въ большой модѣ въ Варшавѣ.

чего-то. О пѣхотѣ нашей не было никакого извѣстія до утра, такъ какъ казармы ихъ были расположены на другомъ концѣ города. Волыскій и Литовскій полки, лишенные своихъ полковыхъ командировъ, взятыхъ въ плѣнъ въ самомъ началѣ, явились только рано утромъ 18-го ноября и стали бивуаками на Мокотовскомъ полѣ.

Генералъ Герштейнцвейгъ прискакалъ 18-го числа, утромъ, изъ Гуры съ своею батареею конно-легкой артиллеріи, и, являсь къ великому князю, говорятъ, предлагалъ ему, черезъ 4 часа времени, усмирить Варшаву, лишь бы позволилъ ему дѣйствовать противъ мятежниковъ, и головой ручался за успѣхъ; но великій князь и слышать не хотѣлъ о томъ, дабы не подтвердить слухъ, разглашаемый въ Варшавѣ злоумышленниками, что будто бы русскіе рѣжутъ поляковъ. Онъ повторялъ, что такъ какъ вся администрація края въ рукахъ у польскихъ властей, и онъ въ нее не вмѣшивался, то онъ надѣется на ихъ благоразуміе, они сами съумѣютъ унять бунтовщиковъ,—и формально запретилъ всякія наступательныя дѣйствія съ нашей стороны. Эта увѣренность еще болѣе подтвердилась въ немъ, когда, на другой день, т.-е. 18-го числа, привезли ему прокламацію административнаго Совѣта, гдѣ было сказано, «что, сожалѣя о случившихся безпорядкахъ, Совѣтъ увѣщаетъ народъ быть спокойнымъ, увѣдомляя его объ отступленіи русскаго отряда, и, надѣясь, что виновники мятежа не захотятъ предать свою страну междоусобной войнѣ, сами отступятся отъ своихъ предпріятій.»

18-е число прошло въ томъ же безпокойномъ ожиданіи и въ той же нерѣшительности. Вѣсти изъ Варшавы приходили все мрачныя и неутѣшительныя. Разграбленіе арсенала чернью, убіеніе многихъ польскихъ генераловъ, желавшихъ оставаться вѣрными данной присягѣ,—все это наводило вообще страшное уныніе; къ тому же, томительная неизвѣстность, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, ожиданія нападенія, и бездѣйствіе съ нашей стороны,—все это усиливало всеобщее волненіе. Прошла еще ночь — мучительная для всѣхъ, какъ тяжелая агонія.

19-го числа, около полудня, явился къ великому князю польскій генералъ Шембекъ (начальникъ дивизіи), и имѣлъ съ цесаревичемъ долгое совѣщаніе на фермѣ. Великій князь принялъ его съ распростертыми объятіями, какъ друга, нѣсколько разъ цѣловалъ его, и, возлагая на него всю надежду свою, убѣдительно

просилъ его уговорить войска свои остаться вѣрными долгу и присягѣ. Шембекъ обѣщалъ исполнить его просьбу и почти успокоилъ великаго князя; но, подѣхавъ къ заставѣ и найдя тамъ егерскія роты, все еще стоявшія на своемъ посту, вмѣсто того, чтобы склонить ихъ на нашу сторону, онъ сыгралъ роль Иуды, и приказалъ имъ возвратиться въ Варшаву, распѣвая: «Еще Польша не сгинела».

21-го ноября пріѣзжала на Вержбу депутація изъ Варшавы, въ числѣ коей были Адамъ Чарторижскій, Лелевель, Островскій и Любецкій. Одѣтые въ конфедераткахъ, съ революціонными польскими ковардами, они явились къ великому князю для переговоровъ. Шесть часовъ длились эти переговоры; въ нихъ, какъ извѣстно, принимала большое участіе княгиня Ловичъ. Лелевель хотѣлъ-было поколебать довѣріе великаго князя и увѣрялъ его, что въ Петербургѣ также вспыхнуло возмущеніе и что будто бы императора Николая нѣтъ уже въ живыхъ,—но самъ потомъ проговорился въ противномъ, упрасывая великаго князя выхлопотать у государя присоединеніе Литвы къ Польшѣ. Во все время этихъ переговоровъ, великій князь казался очень спокоенъ духомъ и говорилъ не много. За то княгиня говорила съ увлеченіемъ и запальчивостью, переходя отъ угрозъ къ просьбамъ и наоборотъ; но ничто не помогло, и депутаты удалились, взявъ слово отъ великаго князя, что еслибъ онъ былъ принужденъ впослѣдствіи сдѣлать нападеніе на Варшаву, то долженъ былъ предупредить ихъ о томъ за 48 часовъ. Рассказываютъ нѣкоторые очевидцы, что будто бы великому князю предложена была депутатами корона польская, но что княгиня, въ энергическихъ выраженіяхъ, отвергла это, высказавъ имъ всю дерзость такого предложенія; любопытно, что депутаты не на шутку надѣялись на успѣхъ.

Одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ великаго князя рассказывалъ мнѣ, что эти господа пріѣхали изъ Варшавы въ четырехмѣстной каретѣ, въ родѣ стараго рыдвана, запряженной двумя измученными влячами. На козлахъ, возлѣ кучера, былъ огромный узелъ; и когда рассказавшій мнѣ эти подробности подошелъ, изъ любопытства, къ полупьяному кучеру, чтобы спросить его, что въ этомъ узлѣ находится? то получилъ отъ него пренаивный отвѣтъ, что это — де польскія національныя кокарды, назначен-

ныя для свиты великаго князя, въ случаѣ его согласія принять титулъ короля польскаго, дабы съ этимъ убранствомъ сдѣлать торжественный въѣздъ въ Варшаву. Депутаты разстались весьма грубо съ великимъ княземъ, ибо, когда онъ, подѣ конецъ, обѣщалъ предстательствовать у государя за виновныхъ, Островскій надѣлъ шапку свою предъ нимъ и съ запальчивостью сказалъ:

— «Здѣсь нѣтъ никого виновнаго».

Это было послѣднее оскорбленіе, нанесенное великому князю. Съ этой минуты онъ ясно увидалъ, что ему ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ удалиться изъ того края, который онъ такъ любилъ, и гдѣ, за всѣ его добрыя намѣренія и дѣла, ему платили такою черною неблагодарностью.

## VIII.

### Послѣ взрыва.

Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ о нашей участи. Мы съ матушкой оставались въ Варшавѣ до 10-го (22) декабря. Мать моя не послѣдовала за прочими русскими дамами на Вержбу, потому только, что, уѣзжая, отецъ уговорилъ ее оставаться у Салацкихъ, будучи убѣжденъ, что на другой день все придетъ въ должный порядокъ и что онъ самъ вернется домой. Во всякомъ случаѣ, онъ обѣщалъ дать знать о себѣ; но мы прожили три недѣли въ Варшавѣ, не имѣя никакихъ извѣстій отъ отца и не зная, находится-ли онъ въ живыхъ.

На другой день возмущенія, т. е. 18-го (30) ноября, уличныя сцены и безпорядки стали повторяться въ большихъ размѣрахъ,

Народъ, разграбивши арсеналъ, ходилъ толпами, вооруженный ружьями, саблями, тесаками,—и пьяные, съ дикими пѣснями, расхаживая массами по улицамъ, стали грабить дома и квартиры русскихъ. Мужъ г-жи Накваска, зашедшій съ утра за женою и дочерью, остававшихся у Салацкихъ, принесъ намъ извѣстіе объ убіеніи многихъ польскихъ генераловъ, какъ-то: Трембиджаго, Гауке, Новицкаго, Баумера, Станислава Потоцкаго и полковника Мецишевскаго,—и хотя еще не былъ извѣстенъ ходъ возмущенія и тотъ оборотъ, который могутъ принять дѣла, но онъ повторялъ съ восторгомъ: «c'est une belle révolution», на что матушка ему отвѣчала: «mais qui fera le malheur de Votre pays».

Про Бельведеръ еще никто не имѣлъ извѣстій; мы только на третій день узнали, что великій князь живъ и ретировался на Вержбу, что отчасти успокоило мою мать, — она предугадывала, что это сдѣлано, вѣроятно, по внушенію отца моего.

Такъ какъ квартира Салацкихъ была въ нижнемъ этажѣ, то мы оставались все съ закрытыми ставнями. Проходившая чернь по нѣскольку разъ бросала камни въ окна и разбивала стекла. По временамъ проходили вооруженныя команды, громко распѣвая революціонныя пѣсни. На площадеѣ, противъ церкви Визитокъ, расположились солдаты и, поставивъ ружья въ возы, развели костры; вся Саксонская площадь на другое утро была занята войсками, — къ нимъ подходили толпы студентовъ и ремесленниковъ вооруженныхъ; слышалась пальба, крики, брань, возгласы... Такъ какъ квартира Салацкихъ составляла уголь, выходившій на Саксонскую площадь и Краковское предмѣстье, то мы, такъ сказать, были на самомъ юру — въ самомъ центральномъ пунктѣ всѣхъ безпорядковъ; легко себѣ представить, какъ все это должно было дѣйствовать на бѣдную мою мать, безъ того уже больную и слабую. Скучившись вмѣстѣ съ семействомъ Салацкихъ въ двухъ маленькихъ комнатахъ, выходившихъ окнами на дворъ, сидѣли мы молча, въ какомъ-то оцѣпененіи; мать моя, какъ-будто въ забытіи, лежала безъ силъ на кушеткѣ, вздрагивая по временамъ, при каждомъ стукѣ, при шумѣ разбитыхъ стеколъ. Дверь изъ гостиной была плотно затворена, туда нельзя было отважиться ходить; но и сквозь запертую дверь до насъ доходили неистовые крики и наводили на насъ ужасъ. Добрая Julie Салацкая то ухаживала за моею матерью, то сидѣла молча, закрывъ лицо платкомъ. Одинъ меньшой братъ мой безопасно игралъ на коврикѣ съ деревяннымъ солдатомъ и, какъ бы для контраста, прерывалъ наше грустное молчаніе своими дѣтскими веселыми возгласами.

Въ квартирѣ нашей оставался одинъ только гувернеръ, monsieur Пекѣръ, который, съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ и даже съ опасностью жизни, отстаивалъ наше жилище. Всѣ люди разбѣжались или скрылись отъ страха; дабы отвлечь толпу входившей черни отъ верхняго этажа, Пекѣръ придумалъ устроить у себя внизу родъ кабака: купилъ нѣсколько ведеръ водки, угощалъ ею и спивалъ приходившихъ уличныхъ бродягъ. Однако-жъ,

и это средство не на долго помогло. Съ утра, 18-го ноября, толпы вооруженныхъ людей стали все чаще и чаще проходить по нашей улицѣ. Ворота были разломаны; входную дверь въ нашу квартиру постигла та же участь. Всѣмъ извѣстно было, что это былъ казенный домъ и что въ немъ жили москале. Насъ хотѣли отыскать, — рвались въ верхній этажъ. Напрасно Пекеръ увѣрялъ всѣхъ, что мы въ прошлую ночь уѣхали вмѣстѣ съ отцемъ къ Бельведеру; напрасно сталъ онъ зазывать ихъ къ себѣ и пить вмѣстѣ съ ними, — вино было выпито, а насъ все-таки стали отыскивать повсюду. Изъ конюшни нашей вывели всѣхъ лошадей — четверку упряжныхъ и одну верховую; вывели всѣ наши экипажи, а кучеръ нашъ спасся только тѣмъ, что зарылся въ сѣнѣ на чердакѣ и пролежалъ тамъ болѣе сутокъ. Вооруженная шайка пьяныхъ ремесленниковъ, подъ предводительствомъ бывшаго лакея нашего, — котораго не задолго до того отецъ мой принужденъ былъ выслать вонъ за пьянство и дерзость, — ворвалась въ верхній этажъ. Въ квартирѣ разграбили всѣ вещи, болѣе цѣнные, а что не могли забрать, то разламывали и раскидывали по комнатамъ, какъ-то: зеркала, посуду, мебель. Завидя кивотъ съ образами, въ спальнѣ, одинъ изъ толпы выстрѣлилъ въ него изъ пистолета; образа всѣ разбросали по комнатамъ, и удивительно, что не расхитили, такъ что Пекеръ на третій день могъ ихъ еще собрать и прислалъ къ намъ на сохраненіе. Висѣвшіе въ залѣ, на стѣнѣ, портреты царской фамилии были проколоты штыками; срубивъ головы съ двухъ гипсовыхъ бюстовъ императора Александра и цесаревича Константина, надѣли ихъ на штыки и съ ними прохаживались по улицамъ. Но никогда я не забуду то ужасное впечатлѣніе, которое произвело на насъ слѣдующее обстоятельство.

Дворникъ Салацкихъ былъ отдѣленъ отъ нашего двора небольшимъ деревяннымъ заборомъ, въ которомъ была калитка, запертая, въ то время, на замокъ. Изъ оконъ спальни, гдѣ мы находились, видна была эта калитка и заборъ. Около трехъ часовъ дня — мы слышимъ необыкновенный шумъ у калитки; я, какъ теперь помню, подбѣжалъ къ окну вмѣстѣ съ другими. Какая-то блѣдная, съ всклокоченными черными волосами, фигура, въ изорванномъ сюртукѣ, поднимается на заборъ и соскакиваетъ на дворъ Салацкихъ; мы въ ужасѣ отскочили отъ окна. Не прошло

минуты, какъ постучались въ намъ въ дверь, и мы только по голосу могли узнать нашего Пекёра. Онъ намъ только успѣлъ сказать нѣсколько словъ: «Sauvez Vous, ou cachez Vous, on sait que Vous êtes ici et l'on vient Vous chercher». (Спасайтесь, или скройтесь; узнали, что вы здѣсь и идутъ васъ отыскивать). Но куда бѣжать? гдѣ было скрываться, въ особенности больной матери моей? Приближеніе опасности дало ей, однако-жъ, силы: она встала и, вѣрнѣе сжавъ насъ, двонхъ дѣтей, въ свои объятія, стала насъ судорожно цѣловать. Салацкіе высочили изъ комнаты на встрѣчу злодѣевъ. По необыкновенному стуку прикладовъ ружейныхъ о паркетъ и сильному говору, мы поняли, что искавшіе насъ вошли уже въ домъ; бывшій нашъ лакей, котораго голосъ мы узнали, требовалъ громко у Салацкаго нашей выдачи и, не смотря на сѣдины стараго воина и его увѣренія, что мы уѣхали въ прошедшую ночь, пьяная толпа ворвалась насильно въ его комнаты и стала насъ отыскивать повсюду, заглядывая въ шкафы, влѣзая на чердакъ и спускаясь въ погребъ. Къ счастью нашему, они не разбрелись по одиночѣ, а шли гуртомъ, вслѣдъ за старымъ генераломъ, который самъ имъ растворялъ всѣ двери и водилъ ихъ по всѣмъ комнатамъ, стараясь отвлекать отъ той, гдѣ мы находились; а мы, слыша приближеніе ихъ, переходили изъ одной въ другую и прятались то за дверьми, то за занавѣсками. Положеніе Салацкихъ было не менѣе опасно. Ему грозили жестокою местию, называли его измѣнникомъ, и Богъ знаетъ, что бы случилось, если-бъ снова Провидѣніе не оказало намъ видимую Свою помощь. Мы перешли уже въ послѣднее свое убѣжище, въ маленькую комнатку за перегородкой, гдѣ спала горничная дѣвушка Салацкихъ. Комнатка эта была уже обойдена и осматрѣна злодѣями, пока мы скрывались въ гостиной. Дверь, ведущую въ коридорчикъ, не успѣли мы за собою притворить; она была, по счастью, настежь раскрыта, — а мы всѣ шестеро, въ томъ числѣ старая няня и горничная матери, съжились и стояли за дверью кучкой. Мы ясно слышимъ стучаніе ружей и бряцаніе объ полъ сабель въ сосѣдней комнатѣ; доходить до насъ грубый говоръ толпы и возгласы Салацкаго, что эту комнату уже осматривали, что онъ самъ ихъ туда водилъ и что пора прекратить это изстязаніе и оставить его семейство въ покоѣ. Проходитъ минута колебанія, которая

намъ показалась вѣчностью; но, наконецъ, это сопротивленіе Салацкаго показалось имъ, вѣроятно, подозрительнымъ,—говоръ усилился, дверь съ шумомъ растворилась... одна тонкая перегородка раздѣляетъ насъ отъ нашихъ убійцъ. Сперся духъ, дыханіе у насъ притаилось. Малѣйшій стонъ, скрипъ или плачь меньшаго брата могъ бы насъ выдать. Кто-то изъ черни показался въ дверяхъ и, не входя въ комнату, окинулъ ее взоромъ. Горничная Салацкихъ, по счастью, успѣла войти до этого и, стоя у порога, сказала:

— «Это моя комната; здѣсь уже все разглядывали».

— «Niema nikogo», повторилъ грубый голосъ и толпа, съ бранью и ворча, вышла изъ комнаты и удалилась.

Что чувствовала моя бѣдная мать въ эти минуты—предоставляю каждому судить. Въ тотъ же день, однако-жъ, опасаясь, чтобы таковыя сцены не повторялись и не желая компрометировать болѣе добрыхъ Салацкихъ, моя мать рѣшилась, когда смерклось, оставить его квартиру, и перешла съ цѣлою семьей къ знакомому намъ зубному врачу—французу Лефевру, жившему не далеко отсюда, на Краковскомъ же предмѣстьѣ. Тамъ провели мы нѣсколько дней, пока порядокъ въ Варшавѣ не возстановился, что послѣдовало вскорѣ, съ назначеніемъ Хлопицкаго диктаторомъ. Добрый старикъ Салацкій, которому мы столько были обязаны, и тутъ насъ не оставилъ. Онъ узналъ, что многія русскія семейства отдались добровольно подъ защиту новому правительству и переведены были въ замокъ, гдѣ имъ дано было приличное помѣщеніе, и пришелъ предложить намъ перебраться туда: но мать моя ни за что не хотѣла на это согласиться,—имѣла-ли она предчувствіе дурное, или потому-ли только, что желала поскорѣй выбраться изъ Варшавы, не знаю, но дѣло въ томъ, что и это обстоятельство послужило къ нашему спасенію. Нѣсколько недѣль спустя, при вторичномъ возмущеніи въ Варшавѣ, чернь бросилась на замокъ и, не смотря на сопротивленіе стражи, нѣкоторыя изъ русскихъ плѣнныхъ сдѣлались жертвою ярости народной, — въ томъ числѣ камергеръ Фридрихъ Феншау (Fenschau) и генеральша Бажанова, которые были безчеловѣчно выволочены на площадь, обнажены и повѣшены буйною толпою. Положеніе наше у Лефевра было не завидное; у него у самого было большое семейство, и потому Салацкій еще разъ пришелъ намъ на

помощь и уговорилъ матушку переѣхать снова въ его квартиру, гдѣ все-таки помѣщеніе было больше и удобнѣе; самъ съѣздилъ за ея домашнимъ докторомъ и, вмѣстѣ съ женою своею и милою дочерью, такъ ухаживали они за больною матерью моею, что силы ея вскорѣ стали возстановляться и ей возможно было предпринять путешествіе въ Россію. Добрый старикъ самъ съѣзжалъ къ Хлопицкому, добылъ у него свободный пропускъ матери моей съ семействомъ въ Россію; сыскалъ намъ четырехмѣстную карету — и 10-го (22) декабря 1830 года выѣхали мы изъ Варшавы, по направленію къ Брестъ-Литовску, гдѣ, наконецъ, 16-го числа, имѣли радость соединиться съ отцомъ моимъ, послѣ столь долгой и мучительной разлуки.

Е. П. Колзакъ.

**Рѣчь, произнесенная государемъ императоромъ Александромъ I  
при открытіи сейма царства польскаго.**

15 марта 1818 г.

„Представители царства польскаго! Надежды ваши и мои желанія совершаются. Народъ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконецъ, собственнымъ бытіемъ, обезпеченнымъ созрѣвшими уже и временемъ освященными установленіями.

„Одно забвеніе прошедшаго могло произвести ваше возрожденіе. Оно непреложно поставлено было въ мысляхъ моихъ съ того времени, когда я могъ надѣяться на средства къ приведенію онаго въ исполненіе. Ревнуя ко славѣ моего отечества, я хотѣлъ, чтобы оно приобрѣло еще новую. И дѣйствительно, Россія послѣ бѣдственной войны, воздавъ, по правиламъ христіанской нравственности, добро за зло, простерла къ вамъ братскія объятія, и изъ всѣхъ преимуществъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно честь — возстановить храбрый и достойный народъ.

„Содѣйствуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убѣжденію, коему сильно вспомошествовали событія. Я исполнилъ долгъ, начертанный сямъ однимъ внушеніемъ, тѣмъ драгоценнѣйшимъ моему сердцу.

„Образованіе, существовавшее въ вашемъ краю, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учреждений, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помысленій, и которыхъ счастливое вліяніе надѣюсь